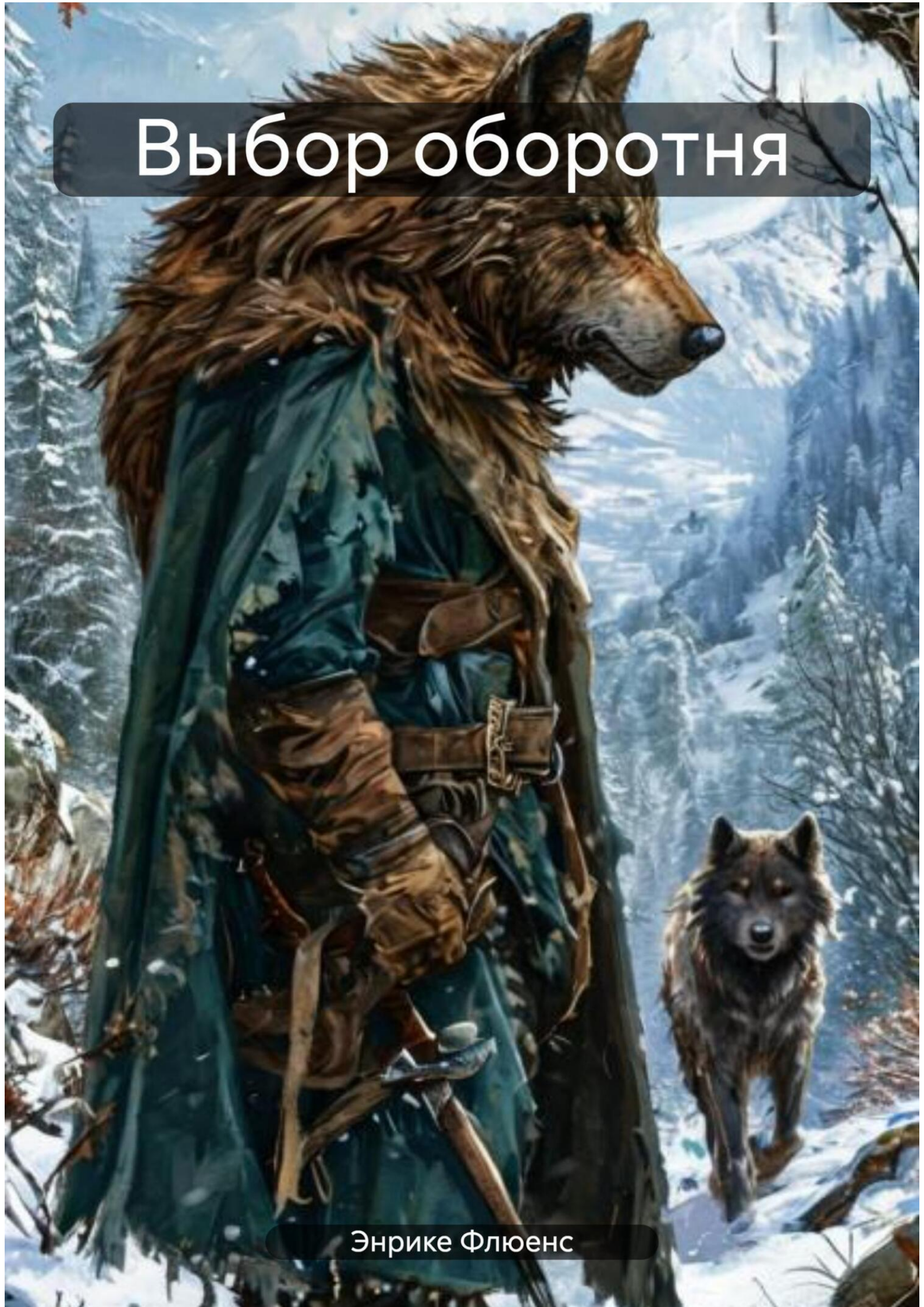

Выбор оборотня

Энрике Флюенс

Энрике Флюенс
Выбор оборотня

«Автор»

2018

Энрике Флюенс

Выбор оборотня / Энрике Флюенс — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-08323-3

Марианн узнает, что является носителем Зверя в своей крови. Он оборотень, и за ним уже началась охота. Отправляясь в захватывающее путешествие по заснеженной стране оборотней, Марианн и не догадывается, кого предстоит встретить на своем пути и что пережить, какой сделать выбор. А вдруг именно тут он повстречает настоящую любовь?

ISBN 978-5-532-08323-3

© Энрике Флюенс, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог. Глава 0.	6
Глава 1. То, что сокрыто внутри	9
Глава 2. Пристанище мертвеца	15
Глава 3. Мигнис	17
Глава 3.5. Джуния	23
Глава 4. Темная энергия	29
Глава 5. Погоня	35
Глава 6. Ледяное озеро	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Энрике Флюенс Выбор оборотня

Марианн узнает, что является носителем Зверя в своей крови. Он оборотень, и за ним уже началась охота.

Отправляясь в захватывающее путешествие по заснеженной стране оборотней, Марианн и не догадывается, кого предстоит встретить на своем пути и что пережить, какой сделать выбор. А вдруг именно тут он повстречает настоящую любовь?

Каждый человек по-своему прекрасен, но видеть это сродни искусству
Энрике Флюенс

Зиме вопреки
Вырастают из сердца
Бабочки крылья
Басе

Когда я закрываю глаза, вижу красную розу на снегу. Розу ли? А еще покрытый инеем красивый бутон. Неизвестный мне цветок, но очень красивый. Я смотрю на него и чувствую прилив крови и тепла в груди, у самого сердца. Непривычное ощущение. Созерцания этого цветка волнует меня и согревает. Я не могу дать ему замерзнуть, превратиться в хрупкий ледяной кусок острого льда.

Неземное чудо у моих ног, и еще чудо происходит внутри меня.

Пролог. Глава 0.

Ноябрьский вечер. Лес вокруг замка, в котором расположена школа святого Элвисия, укутан снегом. В классе истории холодно, и ученики ежились, дрожали от холода. Но атмосфера царила веселая и озорная. Сегодняшний урок вел не директор Дефостер, а преподаватель философии мистер Уинстер. Лысоватая макушка мистера Уинстера блестела в свете лампы, как рождественская звезда. Ведь человеком он был высоким и едва не задевал головой лампу.

Похоже, философ мало разбирался в истории родного края и откровенно скучал, листая толстую книгу и озвучивая некоторые моменты. Причем брови мистера Уинстера то и дело поднимались на лоб, как будто прочитанное вызывало у него удивление, если не возражение, что такого быть не могло. Его скептицизм был умилителен и смешон. Именно поэтому ученикам он нравился. Те тоже недолюбливали историю.

Джуния потеряла локоть. Он немел от ушиба, что она получила ночью, свалившись во сне с постели. На вид Джунии лет шестнадцать. Самая романтическая пора у девушек. Сердце жаждет любви, а неопытность и наивность наделяют любую девушку особым шармом женственности. Если только леди чтит манеры. Джуния манеры соблюдала, когда сестра-преподаватель по этикету Стоунер слонялась поблизости. Но даже без манер Джуния была мила и непослушна.

«Этим ее наделила природа, не школа» – вот вердикт сестры Стоунер, старой карги по «самому бесполезному предмету». Карга ни как не хотела верить, что шальные выходки этой ученицы стали лишь после поступления сюда.

У Джунии были светлые волосы цвета снега.

«Альбинос» – так ее обозвала противная Стейси, девчонка из старшей группы. Но это не так. Глаза у Джунии карие с голубо-небесными крапинками. Нос немного вздернут, что не портит худого личика с заостренным подбородком. Хоть своей худобой и белоснежными локонами девушка и выделяется среди учеников, сама она этого не замечает и ощущает обыкновенным членом общины. А как иначе, если оценки у нее не высокие и не очень низкие, а средние, как и у большинства учениц. Одаренностями и тягой к знаниям не обладает.

«Дуреха, требующая режима и дисциплины» – Так могла охарактеризовать Джунию сестра-хозяйка миссис Оффенбах. Она вешает подобные ярлыки на всех учениц. Ведь видит их не в классах, а в столовой, в коридорах или во дворе. Учителя с ней не спорят, а значит, согласны. Должно быть, так оно и есть.

Сегодняшний урок истории тянулся медленно. За окном голубая полоска неба посерела. Скулящий вдруг ветер утих. Ворох снежинок осел на оконной раме по ту сторону стекла. Джуния откровенно сонно зевнула, любуясь унылым видом. Казалось, что и зимняя стихия зевала вместе с девушкой, готовясь ко сну.

Зимой темнеет рано. Сидя в холодном каменном помещении замка, ребята ни как не хотели вникать в монотонную речь учителя. Сначала они перешептывались между собой. Потом уже разговаривали в полголоса, шутили, кидались друг в друга бумажными шариками. Мистер Уинстер позволял подобное поведение, считая, как однажды проговорился сестре-хозяйке, что строгая дисциплина искореняет личность на корню и обесцвечивает детскую индивидуальность. Конечно, и мистер Уинстер мог выдающихся личностей поставить в угол. Поэтому ученики не переступали грань дозволенного.

По обыкновению, историю вел директор школы мистер Дефостер. Но сегодня, как только разыгралась пурга, он исчез. Один из мальчиков шепнул, что директора в город вызвали по срочному делу.

– Опять. Уже второй раз на этой неделе.

– Ну и ладно. Зато учить ничего не надо. Мистер Уинстер никогда не задает самостоятельную работу.

Мальчики разом смолкли, потому что учитель, словно услышав свое имя, воззрился на них. Не смотря на достижения современной цивилизации, в классе не имелось ни монитора, ни проектора. Грифельная доска – вот полотно для знаний. А полотном мистера Уинстера являлся слог. Но почему то, бог наделил его и превосходным слухом.

Марианн тоже поглядывал в окно. Вид, открывающийся узким проеме, нагонял грусть и на него. Фонарный столб, клонившийся у дороги и занесенный сугробами. Пушистые от снега верхушки деревьев. Свет от желтого освещения классной комнаты выделял подтеки на запотелом стекле. А отражение в окне искажали мистера Уинстера, превращая в страшного лохматого и бесформенного демона. Вот в отражении появилось белое пятно. Джуния. Марианн обернулся на девушку, любуясь ее жемчужными локонами. По правилам школы волосы были собраны в косу. Но непослушная прядь выбилась и пала на лоб. И это не портила прическу. Отнюдь. Такой девушка понравилась Марианну еще больше.

Джуния склонилась к своей соседке по парте и не видела пристального внимания со стороны юноши. Девушки перешептывались и хихикали.

– После истории родного края мне всякие кошмары снятся. – пожаловался приятель Марианна Френк Ларсен – круглолицый, веснушчатый парень. Глуповатая улыбка шла ему, и девушки с первой парты то и дело оглядывались и хихикали, стараясь привлечь его внимания и втянуть в беседу затем, чтобы задать неудобный вопрос и поставить Френка в неудобное положение. Тогда Френк покраснел бы. И девчонкам было бы весело.

Марианн вспомнил о своем сне. Он оказался один в дремучем лесу. На снегу замечает кровавое пятно, делает шаг и понимает, что это бутон розы. Подойдя ближе, он наклоняется. Прежде таких заостренных лепестков он никогда не видел. Это не роза.

«Рассказать о своем сне Френку? Нет, не стоит. Он не поймет». Во сне Марианн испытал необыкновенное чувство, слишком личное, чтобы болтать о нем и красивое, чтобы позволить кому-то критиковать или отнестись пренебрежительно.

– Эй, ты что, уснул? Марианн?

– Почти заснул. – кивнул с улыбкой Марианн.

– Скорей бы урок закончился. Я так проголодался, что съем мистера Уинстера прямо сейчас, если он прочитает еще хоть одно предложение.

Девушки, сидящие впереди, снова хихикнули.

Чувство голода внезапно пробудилось и в Марианне. В животе заурчало.

Ребята, спевшиеся выйти в коридор, обернулись посмотреть, что случилось. Марианн лежал и не двигался. Френк наклонился, чтобы помочь его подняться, но не смог сдвинуть его с места.– На этом все! – повысил голос учитель. Марианн поспешил покинуть класс, как и другие ребята. Возле дверей Марианн почувствовал слабость. К горлу подкатила тошнота. Звон коснулся слуха. Мир в его глазах померк. Кого-то он толкнул, теряя равновесие. Потом выгнул спину и, раскинув руки, растянулся на полу. – Эй!

– Марианн! Эй, Марианн! Ты чего?

– Он умер. Ребята обступили Френка и бездыханного Марианна. Неуверенный ропот перешел в громкий гам. Вмиг строгая дисциплина разрушалась. Ребята, увидев выходящее из привычных рамок событие, тут же забыли о правилах. Они закричали, зовя мистера Уинстера, и заговорили наперебой все сразу. Несколько рук потянулись к Марианну. Раздались испуганные возгласы:

Мистер Уинстер раздумывал, куда бы запихнуть томик по истории на книжной полке, когда все случилось, и ринулся на помощь, расталкивая всех на своем пути. Книга плюхнулась обратно на стол с хлопком не тише, с которым упал Марианн.

– Дайте дорогу! Что случилось?

– Смотрите, у него кровь.

– Отойдите.

Мистер Уинстер поднял Марианна и понес его по коридору.

Френк ошарашено смотрел на бледное лицо друга, ни в силах ничего сказать. Хихикающие девушки с интересом следили на разыгравшуюся картину. На лицах их не было удивления, скорее пренебрежение. Они переглядывались и ждали, как отреагирует мистер Уинстер, когда поймет, что это розыгрыш.

Джуния стояла в стороне. Ее щеки пылали. Ладони, прижатые к груди, била мелкая дрожь.

Глава 1. То, что сокрыто внутри

Когда я закрываю глаза, вижу красную розу на снегу. Приглядевшись, нахожу что алые и розовые лепестки, из которых собран бутон, миндалевидной формы с острыми капельками на вершинах. Это не роза. Цветок еще красивее и дышит фруктовым ароматом. Я смотрю на него и чувствую прилив крови и тепла в груди. Необыкновенное и завораживающее ощущение. Меня, словно, сковал царящий вокруг мороз. Но я жив благодаря цветку. Мой взгляд пригвозжен к красному на белом.

Созерцания цветка волнует и согревает меня. А сама необыкновенная роза, брошенная на морозе, остывает на снегу. Я не хочу позволить ей превратиться в хрупкий ледяной кусок острого льда.

Ведь это прекрасное чудо у моих ног умирает, и еще чудо происходит внутри меня. Огонь.

Он подошел к приоткрытой двери и замер на пороге.

– А, Марианн Бентон! Заходи, прикрой за собой дверь. Разговор у нас будет серьезный. И, к сожалению, тебя ждут плохие вести.

Марианн притворил дверь, подошел и присел на указанный стул. Когда его вызвали в кабинет директора Дефостера, Марианн сразу подумал, что это потому, что сегодня он упал обморок. Но все равно Марианна охватило беспокойство. Он предчувствовал нечто плохое. А следующие слова директора удивили и ошеломили.

– Скажи, тебя в последние дни мучили ночные кошмары?

Марианн взглянул прямо в глаза директора. Седовласый морщинистый сухой старик. Лицо – словно с репродукции древнеримского философа – благородное. Серые глаза будто смотрят мимо Марианна и мечтательно устремлены на часы или бюст святого Элвисия на каминной полке. В голосе улавливается тяжелое дыхание, словно старик запыхался.

Откуда он знает?

– Такие кошмары не посещали тебя прежде, и они до жути пугающие и реалистичные. В них нечто огромное рвется внутри тебя наружу, но не находит выхода. Это душит тебя и разрывает. Ты просыпаешься, но не в силах пошевелиться и позвать на помощь.

Марианн приоткрыл в изумлении рот. Именно такое и случилось прошлой ночью. Этот ужас не дал выспаться. Марианн проснулся весь в поту. Больше всего пугал страх, что это ощущение вернется. Ведь он чувствовал, что оно в груди притаилось за сердцем и выжидает. Больше Марианн не сомкнул глаз и просидел в постели до утра, опасаясь, что подвергнется нападению ужасного удушья и страха уже не во сне.

Директор Дефостер провел ладонью по своей длинной седой бороде и, не сводя пронизательных глаз с юноши, продолжил:

– Причина таких снов кроется в тебе. В твоих мышечных клетках. Сейчас они ведут себя не как у обычного юноши. Они начинают «развиваться» в ином ключе.

Марианн не понимал, о чем говорит директор. На последнем уроке физической подготовке он не налегал на упражнения с гирями. Он играл с одноклассниками в футбол в маленьком школьном зале с низким потолком, потому что на улице царил адский холод, сковавший стены школы. А непогода замела двери. Снега намело почти до второго этажа. Физическая подготовка один из бесполезных уроков в познавательной сфере, зато самый ожидаемый с того момента как тренер куда то пропал. Тогда тяжелые тренировки с гирями и бег с препятствиями заменили спортивные игры. Без специалиста по физподготовке уроки просто пустили на самотек. Теперь на них можно было вдоволь подурачиться, не боясь получить выговор. Накачать мышечные клетки футболом Марианн точно не мог. И обморок получить тоже. Или мог?

Марианн недоверчиво поднял взгляд на директора.

– Что-то не так с моими мышцами?

– Верно. У них есть свойство, которое сейчас активно развивается. Оно встречается редко... Ох, наверное, стоит сказать тебе сразу?

Директор Дефостер выдержал паузу, прежде чем обрушил на ученика пугающую правду:

– Ты оборотень, Марианн! В твоей крови есть «Он». Не могу сказать точно, когда ты почувешь зов хищника, но это обязательно произойдет.

– Что в моей крови, директор Дефостер?

– «Скрытый зверь». Прости за столь страшное название, но именно так его называют в неких кругах. Вижу страх в твоих глазах. В твоей крови есть клетки «скрытого зверя». То есть, оборотня. Но пока тебе стоит беспокоиться не об этом.

– Директор, директор Дефос... – Марианн запнулся на мгновение, но потом испуганным шепотом быстро заговорил: – Вы уверены? Может, вы ошибаетесь? Я никогда не слышал, чтобы оборотни существовали взаправду. Ведь это сказки! Мы даже не проходили их еще на уроках мифологии, но уверен, что оборотни только поверья и...

– Конечно, не изучали! – серьезно воскликнул директор, внимательно разглядывая молодого юношу через старомодные очки. – И все-таки прошу тебя выслушать меня и не перебивать, пока я не закончу. Помнишь медосмотр неделю назад в городе Свенстапе? Все классы ездили туда. И твой анализ крови выявил антитела к «скрытому зверю». Пока твой организм еще борется с ним. Но рано или поздно скрытое возьмет верх над человеческим в тебе, над милым и напуганным юношей, который сейчас сидит передо мной. И когда это случится, ты должен быть готов и знать, как сохранить себя и свой разум. Иначе оборотень может просто погубить тебя.

Тебе надо подготовиться, пройти курс специальных уроков физических и психологических. Они действенны и спасут тебя от падения в безумие. Дело в том, что ты не первый ученик в нашей школе, у кого в крови обнаружили антитела к «скрытому зверю». Поэтому я знаю, как необходимо с тобой поступить. Пообещай мне, что сделаешь все, что я сейчас скажу. Ты можешь обещать мне это, Марианн?

Марианн едва слышно произнес «да». Мысли его путались, и он сказал то, чего от него хотел преподаватель, не задумываясь о возлагаемой ответственности.

Директор с нечеловеческой быстротой протянул руку и больно сжал запястье Марианна.

– Поклянись мне!

Марианн отпрянул назад, но хватка директора оказалась крепка как камень.

– Клянусь. – жалобно заскулил Марианн. Его щеки покраснели от беспомощности и осознания собственной слабости. Ножки стула закричали по полу. Директор выпустил руку Марианна. Запястье жгло как огнем. Марианн не решил подавать виду, что ему больно.

Тем временем директор торопливо говорил:

– Во-первых, отдай мне свой телефон. Тебе он не понадобится, по крайней мере, какое-то время. Сейчас он ставит тебя под угрозу. Ведь по нему тебя легко выследят.

– Директор Дефостер, но кому надо меня искать? И на телефоне у меня только учебные пособия и ничего...

– Ты сирота, Марианн. Как и почти все ученики моей школы. Поэтому я не просто несу за тебя ответственность. Я чувствую себя твоим опекуном.

Марианн не переносил на дух, когда его или кого-либо еще называли сиротой. Это слово прилипает как ярлык. Единожды прозвучав, оно портит отношение людей к названному этим словом ребенку. Жалость, пренебрежение, сочувствие и неприязнь. Много чего меняет именованное сиротой в окружающих людях. У Марианна был двоюродный брат Айзек старше его лет на десять. Он приходился дальним родственником по линии матери. С ним он виделся раз в полгода. Иногда Айзек звонил по телефону и из содержания этих разговоров становилось ясно, что и ему нет никакого дела до Марианна. В тоне двоюродного брата сквозили нраво-

учения и эгоизм. Но все-таки, Марианн мог похвалиться перед Френком и другими ребятами, что ему звонили родные.

Директор протянул руку ладонью вверх и строго хмурил брови, заставляя повиноваться Марианна. Тот едва заметно вздрогнул, но сообразив, что на этот раз директор не думал его хватать, облегченно выдохнул и вложил телефон в старческое пальцы директора. Тот кинул его в ящик стола.

– Отлично, это даст немного больше времени. Наличие телефона в моем кабинете покажет преследователям, что ты еще в школе. Уверен, его геолокацию уже отслеживают. К сожалению, теперь я не могу гарантировать твою безопасность здесь, Марианн. Тебе следует найти укрытие в другом месте. О нем я обязательно тебе скажу, но позже. Сейчас про угрозу, что нависла над тобой. Помнишь проверочную комиссию из Ольборга? Она посещала с инспекцией нашу школу в том году. На самом деле их занимали вовсе не экзаменационные тесты и образовательные программы. Они постоянно занимаются поиском молодых людей, подобных тебе, и забирают их с собой. После о них никто никогда не слышит. Эти дети просто исчезают. Даже их данные в системе медстрахования стираются. Анализ крови, сданный тобой неделю назад... У меня есть свой человек в больнице. И я только что разговаривал с ним по телефону. Он сообщил, что инспекторы из Ольбурга узнали про тебя. Анализ крови, что взяли у тебя неделю назад выявил антитела к «клеткам зверя». Они уже едут за тобой сюда.

– За мной? Зачем? Что им нужно от меня?

– Нужен ты им затем, что должен исчезнуть, пропасть навсегда. Эти люди работают на древний тайный Орден. Его могущество велико. Они имеют своих людей в министерстве образования, здравоохранения и полиции. Имя ордену «Ольбургский трибунал».

– А может со мной все обойдется, ди-директор Дефостер? Анализ крови это нелепая ошибка! – испугано лепетал Марианн.

– В том, что я сказал тебе, нет никаких сомнений. Иначе этот разговор не состоялся бы.

– Что будет, когда они, этот трибунал, заявятся сюда и поймут, что меня предупредили?

– Не стоит волноваться по этому поводу. Школа святого Элвисия оберегает своих учеников. Опасность грозит пока тебе. Твой уход ничего не изменит ни в стенах школы, ни за ее пределами. Уроки никто пока не отменял.

Слова директора звучали как всегда твердо и безоговорочно. А в последней фразе Марианну показалась легкая улыбка в старческих глазах директора Дефостера. Марианн немного поколебался, желая спросить еще. Но он растерялся. Ему очень хотелось, чтобы все услышанное оказалось ошибкой, какой-нибудь жестокой шуткой выжившего из ума старика или психологическим тестом.

– Прежде чем за тобой явятся эти люди, ты покинешь здание школы. А придут они очень скоро. Есть одно верное место, где тебя будут ждать. – Директор понизил голос до хриплого шепота. Чтобы расслышать его, Марианну пришлось податься вперед. – О нем знают только посвященные. Места этого нет на современных картах. Оно называется Волчья гора. Ты пойдешь строго на север. Дорога займет шесть дней. Одному мальчику без физической подготовки удавалось как-то добраться за неделю. Ты справишься. Волчью гору ни с чем не спутать. Это самая высокая вершина в северных краях. Лес, покрывающий ее, обладает особой силой для оборотней и запахом. Ты ее сразу узнаешь, кровь подскажет. Это место – единственное спасение для тебя. Прошу, забудь о своем прошлом. Теперь все, что связывает тебя с ним, скорее опасно, чем важно. Тебя ожидают большие перемены. Если выживешь.

На Марианна напал страх. Ухом он уловил тихий знакомый звук. Мелодия телефона. Он встрепенулся на своем стуле и прижал руку к карману. Но спустя миг вспомнил, что телефона в кармане уже нет. Приглушенный звук доносился из директорского стола.

Марианн ощутил, насколько сильно не хочет уходить из школы, покидать привычный, надежный и беззаботный мир школьной жизни. Оставить друзей. Даже Джуния Клер – дев-

чонка из его класса – доброе и желанное воплощение его мира. Он толкнул ее на физкультуре, но вместо порицания в свой адрес услышал только озорной смехок. Марианн вопросительно посмотрел ей в глаза и понял, что явно ее недооценивал.

Джуния отличалась от одноклассниц. Не такая важная и напыщенная. Веселая и добрая. Светлые волнистые волосы и яркие голубые глаза. Тогда она показалась ему только дружелюбной. Потом он понял, что она ему по-настоящему нравится. Возможно, получилось бы пригласить ее на прогулку по парку на следующем уроке физкультуры или выловить без подружек в коридоре, но этого уже точно не произойдет, если сейчас он покинет школу. Его мысли, несущие разочарование и пыльную грусть, прервал голос директора.

– Тебе пора, – велел он, вставая со своего места. Марианн неохотно направился к двери, когда директор окликнул его.

– Марианн, не в эту дверь.

Марианн растерянно обернулся и увидел, что директор ждет его у приоткрытой двери в соседнюю комнату.

– Я, я думал, мне надо собирать вещи?

– Я уже собрал все необходимое. Прошу сюда.

Марианн никогда не был в этой комнате. Личные покои главы школы. В полутемной комнате угадывался зашторенный квадрат окна. Директор быстро прошел в темноту и после непродолжительного шороха отворил потайную дверцу. Марианн послушно последовал через нее следом за директором и оказался на слабоосвещенной узкой лестнице заброшенной башни. Тут редко кто бывал. И башня требовала ремонта и находилась далеко от учебных классов. Марианн снял с лица вуаль паутины, в которую угодил в темноте. Слабая полоска света обрисовала неровные камни стены. Впереди спускалась сгорбленная фигура директора. Сейчас Марианну она показалась старой и немощной. Он никогда не воспринимал директора как человека со слабостями. Тот был символом уверенности и мудрости школы. Его побаивались все ученики без исключения. А теперь, видя, как глава учебного заведения торопливо ступает по неровным ступеням, побрякивает и опирается рукой о стену, Марианн почувствовал сострадание к этому человеку. Перед ним вдруг явился немощный старик. Марианн поспешил за ним.

Лестница закончилась, и они шли по темному подвальному коридору. Директор освещал путь фонариком телефона. И Марианн позавидовал, что у того есть телефон. В конце коридора директор Дефостер толкнул деревянную дверь, и та отворилась. Марианн подивился, что в школе не запирают уличные двери. Пусть и ту, о которой никто не знает. А еще и от снега почистили.

С улицы подуло прохладой и свежестью. В вечернем мраке возвышались горы снега. Мороз щипал кончик носа и сковывал холодом дыхание в груди.

Марианн взял протянутую ему теплую куртку. Стандартная школьная верхняя одежда. Тут же около двери фонарик осветил маленькую тумбочку и несколько пар теплой обуви. Марианн переобулся. Директор нахлобучил шапку ему на голову и протянул небольшой, но увесистый рюкзак.

– Береги еду. Многого с собой не унести. Ее должно хватить на неделю, если расходовать с умом. Ты должен идти быстро. А вот это, – директор протянул небольшую стеклянную бутылку, – принимай по одному глотку каждый вечер. Тут травяная настойка. Она поможет пережить боли превращения и прогонит прочь кошмары.

Марианн хотел спросить, что за превращение и когда он снова увидит директора, но язык прилип к гортани. Чувство расставания сжало сердце. Всегда такой властный и далекий, директор сейчас проявлял о нем заботу. Не понимая, каким образом в его пальцах очутился маленький круглый компас, Марианн понуро посмотрел на директора. Слезы появились на глазах Марианна, и он прикинул, что в темноте директор не заметил его слабости. Ком встал в горле.

Дефостер сжал плечо Марианна и вдруг с горечью в голосе выговорил:

– Ступай. Мое последнее напутствие, Марианн. Постарайся всегда оставаться человеком! Удачи.

Марианн быстро побрел прочь. «На север», – говорил себе. Он, словно опьяненный, не мог трезво обдумать, оценить все, о чем рассказал директор Дефостер.

В воздухе зазвучал монотонный хриплый шепот:

Боже, Всеблагий и Всемиловитый,
всех охраняя Своею милостию и человеколюбием,
смиренно молю Тя,

Марианн коротко обернулся. Старик-директор стоял в дверях, подняв руку и благословляя его грустным и полным сожаления голосом, какого от него Марианн никогда прежде не слышал:

предстательством Богородицы и всех святых,
Сохрани от внезапной смерти
И всякой напасти его, грешного,
И вверенных мне людей...

От задней двери кем-то уже была протоптана узкая тропинка. Она поворачивала и вела вдоль стен замка. Но Марианн забрался на высокий сугроб снега, горько вздохнул и шагнул по заснеженному склону вниз навстречу темному лесу. Марианн уже не мог слышать бормотания, но в голове продолжали звучать слова молитвы:

...и помоги невредимых
Доставлять каждого по его потребе,
Боже Милостивый!

Марианн скатился в сугроб. Отфыркиваясь от пушистых комьев снега, побрел, утопая по колено в снегу. Марианн тяжело дышал, но мог поклясться, что слышал позади скрип затворяемой двери.

Ах, насколько теплым и родным показался этот звук! Марианн оглянулся, но ни директора, ни тропинки, ни двери увидеть уже не представлялось возможным. Только высокие стены старой школы и дюжину освещенных окон.

Он так и не спросил директора, не стало ли то, что у него в крови причиной его обморока? Сейчас Марианн может только гадать, не лишится ли опять чувств. И не дай бог в самый неподходящий момент.

Вдруг Марианна накрыло страхом от одного напутственного воспоминания. Дано оно было шепотом по "большому секрету" и от человека, которого видел первый и последний раз в жизни: дяди, что привез его однажды сюда, в эту школу.

"Наступит день, когда тебе придется покинуть это место. Тогда не теряй ни минуты, уходи и не оглядывайся. Не трать время на сборы."

Тогда Марианн гадал в бессонные часы, зачем он это сказал. Может, хотел напугать? Потом школьные хлопоты вытеснили странную тайну из мыслей Марианна. В новой обстановке он обвыкся и забыл дядю. А может, он и не родственником был. Два года прошло, а он так ни разу не объявился. Два года Марианн прожил в школе и внезапно, как гром среди ясного неба, предупреждение дяди сбылось.

Оставшийся позади замок никогда еще так не манил своим видом и уютом. Почему именно сейчас делать каждый шаг стало в сто раз тяжелее? Еще неделю назад Марианн мог спокойно покинуть стены школы и даже не расстроился бы по этому поводу. На ум пришли погруженные в полумрак (теперь уже такие родные) коридоры и лестничные пролеты замка. Еще во времена рыцарей тут обитали отпрыски знатных родов, а может, даже и королей. Теперь о них Марианну уже не суждено узнать. Уроков истории родного края больше не будет. Голубой свет маленьких окон таял в воздухе и не касался высоких сугробов. Лампы остались заперты

за покрытыми инеем окнами, высоко над мирно спящей землей. Вот как этот свет не видит бархатистой глади свежевывавшего снега, так уже не видит теперь себя в замке и Марианн. Где-то там наверху у одного из этих окон сидит сейчас Джуния Клер в окружении подруг и не ведает, что сейчас происходит в ночи.

При мысли о ней сердце дрогнуло, встрепенулось. Воспоминания о времени, проведенном в школе, были милы сердцу, а друзья – большим и значимым событием в жизни. Его сердце как никогда прежде казалось большим и горячим. Оно давало силы и уверенности на неведанном пути. Надежда и мысли о том, что он вернется когда-нибудь обратно в школу, окрыляли. Пусть это только несбыточная мечта, иллюзия, но она так необходима сейчас. И кто знает, что ожидает нас в будущем?

Ноги несли Марианна вперед.

Глава 2. Пристанище мертвеца

Хвойный лес укрыт снегом и вечерними тенями. Марианн не замечает холода и шагает по сугробам. Внезапный порыв ветра кажется ему легким бризом в жаркий день. Половина оборотня уже взяла верх над человеческой. Поначалу он не думал о том, что с ним что-то не так, что его тело меняется и мутирует. Хотя, побыв наедине с самим собой, убегая от своего прошлого и от себя таким, каким помнил, поневоле подумал о страшном. О прощальных словах директора школы Дефостера и об оборотне, что притаился внутри него. Теперь оказавшись один в лесу, Марианн перепугался не на шутку. Сердце молотило, отдаваясь жаром в ногах.

Потихоньку паутина кривых веток над головой худого юноши сомкнулась черным шатром. Оборачиваясь, он видел не тонкую освещенную точку на снежной горе, в какую сузилась его школа, а черные неприветливые стволы деревьев. Мрачная синева разлилась вокруг непроницаемой обреченностью одиночества.

Блуждая в потемках леса и в своих мыслях, Марианн не замечал увеличившуюся физическую силу, хотя шел напрямик по бездорожью и без специальной экипировки. А такой путь любого вымотает за пять минут.

Марианн с легкостью преодолевал неровные склоны и крутые подъемы. Иногда под снегом оказывались ямы и ухабы, корни деревьев или замерзший кустарник. Спотыкаясь, сбиваясь с шага, проваливаясь в глубокий снег, юноша шел вперед. Он не чувствовал себя усталым или больным.

Снег набился в обувь, растаял и теперь доставлял неприятные ощущения. Два раза Марианн останавливался, облакачивался о ствол дерева или цеплялся за сук и торопливо вытряхивал ледышки из обуви. Но мокрые ноги только еще сильнее озябли. Раздраженный Марианн стал задумываться о теплом укрытии, где можно согреть ноги и просушить обувь.

Потихоньку усталость все-таки подкралась и начала сковывать тело. Марианн надеялся выйти к деревне или хотя бы любому жилищу. Потом мечтал о заброшенном покосившемся сарае. А через час просил бога послать расщелину в земле, в которой он постарается разжечь костер.

Два раза Марианн отчетливо слышал шаги позади себя и осторожный шелестящий звук, каким порой ветер подвывает в камине. Причем второй раз совсем отчетливо на столько, что кровь стыла в жилах, сковывая мышцы и отдаваясь в голове гулким пульсирующим страхом. Взволнованный Марианн оглядывался каждый раз, но никого не видел. Вокруг спал глухой лес, скованный снегом и тьмой и только. Источника пугающих звуков Марианн не находил. На бархатном снегу темнела неровная цепочка следов Марианна. Отпечатков иного существа на снегу не было. В тени между деревьями не угадывалась фигура преследователя (будь им дикий зверь или человек). Казалось, никого кроме Марианна нет во всей округе.

Марианн продолжил пробираться вперед по глубоким сугробам, списывая страх и опасения, что терзали его, на шорох своей одежды и эхо собственного дыхания, но шаг ускорил, желая поскорее покинуть мрачное место.

Внезапно справа скользнула тень, обогнала Марианна на несколько шагов, а затем так же быстро метнулась назад и спряталась под деревом.

Марианн едва сдержал крик и свалился в сугроб, отпрыгивая в сторону от внезапной угрозы. Он во все глаза таращился на дерево, где растаяла тень. Опять никого не видно.

Тень? Откуда? Луна еще не показывалась. Над головой не видно ни одной звездочки. В царящем полумраке это нечто было чернее тени. И еще, если это не дорисовала фантазия испуганного школьника, черное нечто имело руки, напоминающие больше щупальца.

Теперь Марианн не сомневался, нечто следует за ним по пятам, но не хочет попадаться на глаза. Оно затаилось среди деревьев и ждало.

– Кто здесь? – громко спросил Марианн, пытаясь придать твердость голосу. Но звук собственной речи показался ему плаксивым.

Ответа не было. Тишина и одиночество нахлынули волной. Внизу живота пробежался липкий холодок ужаса.

Марианн пристыдил себя за свою трусость. Показательно не спеша, он поднялся на ноги, отряхнулся от набившего за воротник снега. При этом Марианн не отводил настороженного взгляда от дерева. Ноги предательски дрожали. Адреналин еще будоражил кровь. Марианн ругнулся сквозь зубы и поспешил прочь.

Через двадцать шагов деревья расступились. Сумрачный шатер из паутины веток остался позади. Марианн замер на краю крутого спуска и залюбовался зимней ночью. Синие необъятные облака низко парили над головой, укрывали от серебряного света луны фантастический пейзаж. Уютная долина словно была отражением теней волнистого неба. Под ногами в полумраке виднелся идеально ровный изгиб железной дороги. Немного левее светился маленький желтый огонек. Марианн пригляделся и признал почти занесенный снегом до самой крыши домик у самых рельсов. Маленькая хижина.

Снег провалился под ногами Марианна, и тот, кувыркаясь, полетел вниз по склону горы. Несколько секунд падения – и Марианн ощутил болезненный удар плечом о твердую землю. А сверху накрыло плотным сугробом. Сам того не желая, Марианн вызвал лавину, побеспокоиврыхлый и ненадежный снег на горе, и винил себя за неосмотрительность.

У Марианна потемнело в глазах. Он потерял ориентацию и с липким снегом за шиворотом и на лице, привстал на пульсирующих ногах. Но оказался по пояс увязшим в сугробе. Плечо ныло от удара. После головокружительного спуска требовалось время, чтобы прийти в себя. Марианн глубоко вдохнул, пытаясь унять подкатившую тошноту. Гул в ушах немного утих. В небе разлилось гоготание встревоженных птиц. В нем слышались беспокойство и тревога. До этого момента Марианн еще не видел в этом лесу ни одной птицы.

Дробный стук копыт перекрыл недовольное карканье и запульсировал новой болью в голове. Он приближался к Марианну. Нет, это не стук, а металлический рокот, частый и звонкий. Спустя мгновение рокот превратился в ураган ветра, что стал непробиваемой стеной для остальных звуков. Яркий свет взорвался из темноты и ударил по глазам. Марианн, не в силах бежать от сильного головокружения, снова опрокинулся в сугроб и, барахтаясь, наконец, разглядел опасность.

Он лежал совсем близко к рельсам. О них он и ударился плечом. Если бы Марианн не отскочил назад, он вмиг бы умер под колесами поезда, что проскочил мимо перед лицом Марианна громадной скалой, унося за собой вихрь мелких колких снежинок и ударяя ледяным порывом ветра в лицо.

Железный гигант уже убежал далеко прочь, превратился в чернеющее пятнышко на снегу, и тогда грохот и шум стихли. Как и прежде в округе царила покой и мертвая тишина.

Сам не понимая зачем, Марианн поднял голову и посмотрел верх на вершину, с которой скатился, и дыхание у него сперло. На горе виднелась черная человекоподобная фигура. Неподвижная, словно статуя, с длинными руками-щупальцами.

Все нутро Марианна похолодело. Он вскочил и бросился бежать прочь. Сначала на четвереньках перебирая руками и ногами, утопая в глубоком снегу. Потом взобравшись на рельсы, побежал со всех ног на тусклый огонек света.

Глава 3. Мигнис

Запахавшийся Марианн остановился перед хижинкой, на деле оказавшейся еще меньше чем выглядела с горы. В мутном окне теплился желтый огонек огня. Если бы не огонек, Марианн и не заметил бы сторожку, ведь снег занес ее почти до самой крыши. Но к двери вела утоптанная дорожка. Марианн обернулся. Жуткая фигура на горе пропала. Никто не гнался за ним.

Перед низкой дощатой дверью Марианн замер в нерешительности. Пригоршней снега он протер разгоряченное после бега лицо и фыркнул. Это взбодрило и придало уверенности. Он постучал в дверь. Стук получился приглушенным. Марианн снял варежку и постучал снова. Костяшки пальцев заныли, но на этот раз звук ударов прозвучал громче и увереннее. Из-за двери не доносилось ни звука. Тогда он толкнул дверь, и та поддалась.

– Добрый вечер. – нарочито бодро выпалил Марианн, хотя волнение и испуг наполнили все его нутро. Вдобавок тело еще была мелкая дрожь. Ответа на приветствие не последовало, и Марианн спросил в темноту: – Есть кто дома?

На этот раз в слабом голосе Марианна сквозили испуг и усталость. Снова тишина в ответ, разве легкий шорох пронесся невидимым ветерком внутри теплого полумрака. Марианн вошел внутрь и огляделся.

Комната была совсем маленькой с низким потолком. Впрочем, сам же домик и состоял из этой единственной комнаты, чему тут удивляться?! Незатейливая мебель из грубых досок: стол, скамья. Марианн притворил за собой дверь, не желая впускать морозный ветер.

Вдохнув сухой и теплый воздух, Марианн ощутил знакомый запах, который вызывал расслабляющую зевоту и сонливость, ощущение уюта на душе. Что именно так пахло, Марианн не мог вспомнить. В уставшую голову ничего не приходило, разве в аромате точно улавливались нотки весенних цветов. В доме никого не оказалось, но стоящая на столе лампа горела.

За ножкой скамьи сидела мышь и разглядывала гостя. Серая словно перепачканная пылью. Местами мех отливал голубым цветом. Она вытянула свой носик, и ее черные глазки поблескивали в свете лампы. И когда этот единственный обитатель дома заметил, что на него смотрят, тут же принялся чесать себе за ушами, тереть мордочку и вообще всем видом показывать, что ему нет никакого дела до гостя.

Лампа стояла на краю стола. Ее огонек и мерцал желтым светом в оконце. Колба-абажур так сильно закоптилась, что света едва хватало на полкомнаты и чудо, что Марианн приметил еще на горе столь слабый огонек.

Ни смотря на то, что Марианн затворил дверь, в доме царил холод. А деревянный пол поскрипывал от тонкого слоя инея. В первую минуту после улицы дом казался теплым. На самом деле тут нельзя было отогреться.

Очаг выделялся почерневшим пятном у стены. Подле лежали поленья. Одно попало под ногу Марианну, когда он подошел ближе. Щепки и сухая трава для растопки кто-то небрежно раскидал на полу. Марианн заглянул под скамью: мыши там уже не было. Ему вдруг захотелось с кем-нибудь поговорить и даже спросить мышь, нет ли в хижине спичек? Марианн поискал вокруг, но тщетно. Тут он нахмурился, скинул с плеч рюкзак и в маленьком боковом кармане тут же нашел, что искал. Картонный коробок спичек. Спасибо директору Дефостеру.

Марианн нагнулся за щепками, и через пару минут в очаге заплясали веселые языки пламени. Первым делом Марианн согрел руки у огня, затем оглядел убежище. Комната стала выглядеть лучше. В дальнем углу тьма рассеялась, и проявился потертый грязный сундук и мятый ком тряпок, кажется одеяло и пестрая рубашка.

При повторном осмотре хижина выглядела давно покинутой человеком, чем жилой. Однако лучшего места переждать ночь в лесу не сыскать.

Прежде чем расположиться на жесткой скамье и постараться поспать хоть часок, Марианн потоптался у очага в нерешительности. Беспокойство закралось в душу.

В домике ни души. Где же т, кто зажег лампу?

Этот вопрос волновал Марианна. Он подошел к окну и прислушался. Ветер скулил за обледенелым стеклом. Чернота проглядывалась сквозь жемчужно-серые узоры.

Окно, мутный белый узор которого скрывал за собой ночь, притягивал к себе взгляд Марианна. Он поежился и попятился. Марианну мерещилось, что кто-то смотрит на него через окно. Помедлив, он присел на скамью и положил варежки рядом.

Тут Марианн заметил, что пыль на столе потревожена. Отметины маленьких лап и тонких бороздок отчетливо виднелись около самой лампы и на краю стола.

Мышь медленно выползла на светлое пятно на полу, аккуратно ступая лапками, подобрала хвост и молниеносно забралась на скамью. Она не боялась человека и вела себя довольно уверенно. Как хозяйка.

Марианн отшатнулся от темного шерстяного клубка, но потом усмотрел в нем мышь и успокоился. А та угрожающе двинулась к варежкам. Марианну эта сцена показалась комичной. Ведь мышь оказалась меньше варежки притом, что мышь распушилась не хуже самой варежки. В глазках-бусинках острыми искорками гулял свет лампы, словно боевой огонь.

Слабый тоненький голосок, словно скрип старых дверных петель, промолвил:

– Пол, между прочим, холодный! Подвинься и не раздави меня ненароком!

– Ох! – от неожиданности Марианн чуть не свалился со скамьи.

– Зима на улице, как можно было заметить. Или ты думал, что я буду спать в обледенелой норе? Ми-ми-ми.

Марианн инстинктивно хотел схватить варежки, рука уже потянулась к ним, но во время сообразил, что зверь может укусить, и отдернул руку. Мышь удобно устроилась на варежке и замерла. От такой наглости Марианн потерял дар речи. Он хотел возразить, но удивлению тому, что мышь говорит, не было предела. Марианн открыл рот и только набрал воздуха в грудь. Сказать он ничего не смог.

– Ты никогда говорящих мышей не видел? – упрекнул тот же тихий тонкий голосок.

«Она еще и мысли читает?!»

Марианн с сомнением произнес куда-то в комнату:

– Кто это сказал?

И, к своему удивлению, услышал ответ от варежки:

– Кто сказал? Что сказал?

– Ты можешь разговаривать? Ты же мышь! – обранил Марианн вслух свои мысли.

– Мышь, мышь! – с чувством ответила, несомненно, мышь. – Ни уважения, ни любезности. Между прочим, у меня есть имя! Мигнис. И не припомню, чтобы меня мышью обзывали.

Теперь Мигнис сверлила гостя глазками-бусинами. А Марианн, сгорая от любопытства, тарасился на неведомое чудо с открытым ртом, немного склонившись и сторбившись, но предусмотрительно держал пальцы на расстоянии от необычного грызуна.

«Вдруг все-таки укусит? Уж не мерещится мне все это?»

– А, ми-ми, что тебя удивляет?

– Нет, ничего... – соврал Марианн. – Совсем не удивляет.

Но каким тоном это было сказано! Если бы Мигнис хоть чуточку лучше знала бы своего собеседника, сразу бы обиделась.

– А, ми-ми, зовут? – спросила мышь.

– Что?

– Ми-имя у тебя есть?

– М-марианн, – ответил юноша, а сам думал, действительно все это происходит наяву или снится? Может, он погрузился в ледяные объятия смерти, что несет холод? Замерзает в сугробе или сам превратился в оборотня?

– Мимарианн, – повторила тихо мышь себе под нос. Наверное, чтобы запомнить.

– Марианн! – уже более уверенно произнес он. – Не «ми», а «ма».

Мигнис не обратила внимания на замечания и пропищала:

– Двинь лампу на край стола. Теплее будет.

Марианн повиновался, хотя сомневался, что от этого хоть чуточку станет теплее.

«Я сплю. Замерзаю в снегу. Все это галлюцинации!» – с горечью решил он и чтобы убедиться в приближающимся конце, сунул палец в верхнее отверстие абажура лампы. Желтый лепесток пламени ужали молниеносно. Марианн моментально выдернул палец, едва не скинув лампу на пол. Кожа покраснела и ныла пульсирующей в такт сердцу болью.

«Не сон! Все наяву, наяву, по-настоящему!» – твердил как заваренный Марианн, дуя на обожженный палец. Он направился было к двери, что бы опустить палец в снег, но взгляд его упал на мышью. Та замерла словно неживая, будто статуя.

Казалось, что мышь дует на него. Конечно, Марианн напугал маленькое создание, когда подпрыгнул на лавке. Ни смотря на прыжок человека, мышь осталась сидеть на варежке.

Марианн почувствовал расположение к мыши. Она же совсем маленькая, а такая смелая. Марианн в двадцать раз больше нее.

– Скажи, Мигнис, а кто еще здесь?

Мышь следила за ним и, помедлив полминуты, ответила:

– Ты же видишь, что здесь только мы?!

– А кто зажег лампу, Мигнис?

– Да, Мигнис.

– Он или она, наверное, вышел за хворостом или за дровами и скоро вернется?

Мигнис покосилась на дверь.

– Если кто и вернется, то Яков. Ми-ми, то-то он задерживается.

– Яков?

– Ми-ми, Яков. Старик-охотник. – Мышь подняла нос на непонятливого человека. – Он почти каждую ночь является, если лампу зажечь. Как раз в этом часу.

Мигнис посмотрела на стену. Там висели пыльные часы. Судя по их грязному запущенному циферблату, они давно остановились. Стрелки замерли на без пяти одиннадцать.

– Значит, ты здесь не одна. Тут живет Яков.

– Нет, – коротко пискнула мышь. – Не живет.

Марианн прикинул, что Мигнис чего-то не договаривает. С другой стороны, мышь – неплохой собеседник. Ночью в лесу в темной хижине уютно. А разговоры пусть и с мышью отвлекают от одиночества и страха ночного удушающего кошмара. И Марианну хотелось говорить и слушать.

– Может, на свет идет? – предположил Марианн, возвращаясь к беседе об Якове, – Без лампы не может найти дорогу? – Тут Марианна озарила мысль. – Так это он тут в округе бродит! Я же видел его.

Мышь не ответила. Она вяло шевелила усами. Казалось, задремала. Марианн посмотрел с минуту на мышью и задумчиво повторил:

– Я видел тут кое-кого. Хм, охотник, значит. Так он дичи пострелять пошел или силки проверить, а, Мигнис? – А про себя еще подумал: «Охотник знает все в округе как свои пять пальцев. Надо бы разузнать у него, как поскорее добраться до Волчьей горы?»

Дверь дрогнула. По оконному стеклу поскреб сквозняк, жалобно завывая в невидимую щель. Вдруг раздался грузный удар в дверь. Затем стук о порог. Марианн привстал и тут же застыл на месте от ужаса, когда увидел, как сквозь дверные доски просочилась фигура. Она

чернела гуще тьмы в углу комнаты и в тоже время оказалась прозрачной. Когда она вплыла в область света лампы, то сквозь нее проглядывалась бревенчатая стена. В тоже время сумрачное нутро фигуры было, несомненно, живым, так как шевелилось.

Призрак! Немой крик застыл на устах Марианна. Все тело сковал ледяной страх.

Призрак был столь высоким, что его голова подпирала балку потолка. Облаченный в грязную меховую шубу непонятого зверя, он сам выглядел лохматым. Он бесшумно парил по комнате, не замечая человека, и завис в углу над сундуком. Могло показаться, что призрака мучает, терзает бремя потустороннего бытия, потому что послышался тихий протяжный стон.

Марианна охватили оцепенение и ужас. Холодок, как липкий ветерок, пробежал по спине. Кровь стыла в жилах.

Неожиданно призрак повернул к Марианну свое белесое лицо. Из-под густых и сдвинутых бровей зияли черные дыры, которые, несомненно, испепелили человека, если бы могли. У призрака отсутствовали глаза.

От присутствия этого бестелесного существа в доме похолодало. Марианна затрясло мелкой дрожью.

А вот Мигнис не выказывала ни удивления, ни страха. Она только лениво зевнула.

В неестественно длинной руке призрак держал топор. Черный с изъятиями на грязном лезвии, словно земляные черви изъели не только рукоять, но и лезвие. Топор отнюдь не выглядел бестелесно-прозрачным. Напротив, он казался настоящим и твердым, вполне осязаемым, если им ударят. Вот только как топор прошел через дверь, ошеломленный юноше не подумал. И может, топор он поднял возле сундука в углу и не притащил с собой.

Призрак не двигался. Марианн тоже. Так прошла минута напряжения и безмолвного ожидания, что показалась тягостнее вечности. И тут Марианна посетила догадка, вселяющая надежду на спасение, что призрак его не видит.

Но Марианн огорчился, вспомнив, что Мигнис говорила о лампе, на свет которой и приходит Яков. Значит, призрак все же зрячий.

Яков медленно поплыл по воздуху, поворачиваясь то боком, то грудью. В его походке проявились кривые и пульсирующее движения, нездоровые, будто левая нога не слушалась его, как если бы он отталкивался от пола только правой ногой. Хотя ноги не касались пола. Руки-щупальца потянулись к Марианну.

Марианн попятился. Спина уперлась в стену. Три шага разделяло Марианна и призрака. Массивная фигура Якова закрыла собой лампу, отчего комнату тут же поглотил мрак. Огонек светила-лампы померк, но еще пробивался сквозь полупрозрачный мех шубы.

Стон. Темная фигура рванулась к Марианну и в мгновение ока чернота накрыла его. Марианн свалился на пол, выскакивая из-под черноты призрака, из его ледяных объятий.

Дверь настежь распахнулась и с треском ударилась о стену. По снегу на пороге и двери запрыгал яркий свет. Громкий гул, металлический рокот ворвались внутрь хижины, будоража собой затхлый воздух. Языки пламени в очаге нырнули под поленья, и неистово запрыгали, цепляясь за жизнь и тая на глазах. Тем не менее, они вырвали из темноты комнаты стол, дверной косяк и разбросанные по полу поленья.

Воздух содрогнулся, белые снежинки закружились, превращаясь в клубы белого тумана. Марианн лежал на полу и таранился на ворвавшийся ураган, спасший ему жизнь. Призрак, зависший над юношей, обернулся, затем, ведомый только ему порывам, молнией вылетел в ночь, пройдя сквозь стену рядом с дверью. Он зычно завопил, а потом неистово зарычал. В этом крике Марианну примерещились слова «Я-ако-ов» и «зола».

Металлический рокот утих. За открытой настежь дверью снова воцарился мрак, и только ветер жалобно завывал, насыпая острые белые песчинки на пол. Марианн подполз к двери и выглянул наружу. По рельсам уносился прочь поезд, отбрасывая вокруг себя прямоугольные пятна света. Еще секунда, и он скрылся за невидимым поворотом, оставив после себя вихрь

беснующихся в танце снежинок. Марианн затворил дверь, запер на засов, отпрянул и насторожился. Ничего не услышав по ту сторону, Марианн пробубнил, скорее себе, чем Мигнис:

– Ничего себе Яков! Во как напугал! – Марианна еще била дрожь, но звук собственного голоса придавал уверенности. – Да еще и поезд этот шуму наделал. А может, как раз и кстати! Ведь если б не этот переполох, Яков напал бы на меня.

Это был не вопрос, но мышь отозвалась невозмутимым голоском:

– Не знаю. Я никогда не видела его таким прежде.

Мышь сидела на прежнем месте.

– Какая теплая шерсть! Интересно, какому зверю она принадлежала? – тихо промолвила она, обнюхивая варежку. Приход Якова ее совсем не заинтересовал. Хладнокровность маленькой мыши снова вызвало восхищение у Марианна.

– Кажется, ушел. – облегченно выдохнул Марианн, но предчувствие близкой опасности не отпустило, а наоборот усилилось, – Что могут сделать призраки живым? Стоит ли их опасаться?

– Стоит всего опасаться и сторониться, что тебе неизвестно, Ми-ми-марианн. Вот чем мир духов отличается от мира теней, скажешь?

– А это разве не одно и то же? Призраки они и есть призраки.

– Нет, – совсем тихо и осторожно сказала Мигнис, как будто ее мог услышать еще кто-то из привидений, и подмяла лапами варежку под себя. – Я нахожу оба этих мира интересными и таящими мощную темную энергию. Иногда эта энергия высвобождается. Особенно когда миры пересекаются.

Марианн споткнулся. Похоже, слова Мигнис навели не меньше жути и потустороннего чем появление Якова. А мышь, не замечая испуга худого продрогшего юноши, задумчиво пищала:

– Проявление этих сил редкое, опасное, но завораживающее ми-действие.

Марианн поежился и направился проверить очаг.

Красные искры сжались до размера медяка и спрятались в осыпающихся углях. Кочерги нигде не нашлось, и Марианн подобрал щепку с пола. С ее помощью он расшевелил огонек и его угостил большим сухим поленом.

«Почему она назвала его охотником? Охотники берут с собой ружье, сумку для дичи, но не топор!»

Совсем не так Марианн представлял себе охотников.

«Он приходит, если зажечь лампу. А кто ее зажигает, она так и не ответила. И что еще за темные миры?»

Марианн пнул полено в очаге.

Поднялся угольный дым. Марианн вдохнул его и закашлялся. Горло обожгло едкой дымкой, и он понял, что чертовски хочет пить.

Стараясь не смотреть на мышь, он нашел свой рюкзак и с радостью извлек пластиковую бутылку с водой, поспешно открутил крышку и примкнул к горлышку. Тяжело дыша после больших глотков холодной воды, Марианн все же не удержался и взглянул на скамью.

Мышь внимательно смотрела на него, склонив голову на бок. Злиться на Мигнис и, тем более, винить ее в чем-то Марианн не мог. Он осторожно трясущимися руками налил воду в крышку от бутылки и поставил на скамью. Мышь, не раздумывая, приняла дар – полакала воду, прикрыв глазки, затем принялась усердно вытереть мордочку.

Марианна улыбнулся. Мышь ему все больше нравилась.

– Это намного вкуснее талого снега, – сказала Мигнис, увидев непонятную ей улыбку на лице человека.

Убирая бутылку обратно в рюкзак, рука Марианна наткнулась на шуршащий пакет. Тут ему припомнились слова директора Дефостера про «самое необходимое» в рюкзаке, и Мари-

анн решил осмотреть свои запасы. Упаковка нарезанного хлеба, десять пачек сыра в пластинках, упаковки крекера, около десяти шоколадных батончиков и вторая пластиковая бутылочка с водой. От вида еды тут же заурчало в животе. Голод, дремавший глубоко под инстинктом выживания, усталостью и страхом, вдруг загорелся неуправляемым пламенем, сводя с ума.

У голодного Марианна возникли образы ужина, который он пропустил. Горячая каша с мясной подливкой и тыквенная запеканка с травяным чаем. Как ему сейчас захотелось ощутить вкус запеканки! Ах. Согреться обжигающим чаем. Мечтательному взору представился довольный Френк, жующий запеканку.

Не медля ни минуты, Марианн предложил Мигнис отужинать и принялся вскрывать упаковки.

Бутерброды всухомятку никогда не были такими вкусными, как в этот вечер. Марианна и в школе кормили неплохо. Но сегодняшний сыр и хлеб дурманили сознание особой терпкостью и глубиной вкуса. Мигнис поела совсем немножко сыра даже для мыши. Только два раза укусила. Кусочек хлеба она только понюхала. Марианн благоразумно убрал его в рюкзак.

Глава 3.5. Джуния

В школе был один из тех холодных вечеров, что нагоняли тоску и меланхолию. После ужина все ученики отправились готовиться ко сну. В трапезном зале наступила звенящая тишина. Джуния покидала этот зал одной из последних. Сегодня она и две ее одноклассницы дежурили по кухне. Обязанности дежурных не казались ей обременительными. Ровно расставить тарелки перед трапезой на столах, поправить белоснежные скатерти, чтобы не было ни единой складочки, и собрать посуду со столов после ужина и прочие скучные мелочи.

Повариха сетовала на дежурных, что они ленивые как сонные мухи и не желают пошевеливаться, поэтому и задержала в наказание. И это она еще не знала, что Джуния разбила чашку, когда убирала со стола.

Джуния тайком понесла собранные осколки на кухню. Повариха гремела ложками у раковины. Брызги воды и запах пены перебивала горечь табачного смрада. Повариха курила вонючую сигарету, поглядывая в открытую форточку. Ночной студеной воздух проскользнул на кухню. Джуния дрожащими пальцами спрятала остатки чашки – зарыла их в мусорном ведре.

Но страх разоблачения и нависшего наказания еще кружили ей голову. Вдруг повариха решит посчитать чашки?

Похоже, поварихе тоже не нравились кухонные обязанности. Она кашлянула в ночь, захлопнула форточку и принялась отчитывать дежурных за нерасторопность.

– Пошевеливайтесь! Нечего стоять тут без дела. Бегом марш за тарелками. Кто за вами убирать будет? Я? Бог, знаете ли вы, послушание любит и ремня хорошего отсыпать!

Щеки Джунии покраснели, когда она выбежала из кухни.

Спустя полчаса Джуния все еще ощущала бурлящий внутри страх. Она никогда прежде так сильно не боялась. Она ощущала ужас, что холодом сковал пальцы, что заставлял сердце спотыкаться и раз за разом хватал за горло. Глубоко дыша, Джуния пыталась успокоить себя. Про разбитую чашку повариха не проведала. И может и никогда не проведает.

В трапезном зале погасили свет, и в нем царил мрак. Проходя по нему выполненной работы, Джуния ощутила громоздкую тоску, витающую в зале. Следуя за своими одноклассницами, с которыми она отдежурила, в направлении единственного светлого пятна – приоткрытой двери, огибая чернеющие громадины столов и не столь явные во тьме стулья, Джуния посмотрела вверх. Высокий потолок скрылся во тьме. Вдруг по нему бесшумно пролетела голубая полоса света. Как молниеносно она возникла, так же и быстро растаяла. Джуния проследила в направлении, откуда появилась светлая линия. Неплотно зашторенное окно. Штора едва колыхалась от сквозняка. В щели между шторами угасал синий свет.

«Наверное, машина. Интересно, кто мог приехать в школу в такой поздний час?» – задумалась Джуния. До отбоя оставалось меньше четверти часа, и все двери были уже закрыты.

Тут Джуния вспомнила об обмороке Марианна. Мистер Уинстер отнес его в медицинский кабинет и оба как сквозь землю провалились. Ужинать не пришли.

«Может это приехал доктор?»

Сердце сжалось в груди Джунии и теплое нежное чувство разлилось внутри, когда в мыслях нарисовался образ прежнего Марианна. Совсем молодое еще мальчишечье лицо. Немного взлохмаченные волосы, как после футбола, и прямой открытый взгляд голубых глаз, смотрящих из-под изгиба бровей. Джуния залюбовалась этими глазами. Глубокими. Едва сдерживающими в себе огонек озорства и в тоже время располагающие к доверию. На минуту чернота трапезного зала отступила перед светлым моментом памяти. И тут чей-то незнакомый голос закричал в тишине.

– Джуния, где ты там?

Черный силуэт одноклассницы возник в дверном проеме. По двум коротким косичкам Джуния определила в ней Норму. Голос Нормы прозвучал неестественно хрипло и мрачно. Джуния вздрогнула. Потом вспомнила, что подруга постудила горло, когда поела снег на спор. Теперь Норме приходилось полоскать больное горло отвратными микстурами. При этом она так жаловалась на вкус микстуры и кривила губы, что Джуния решила никогда больше не есть снег.

Джунии померещилось, что из темноты трапезного зала на нее смотрят два тусклых огонька глаз. Он испугалась и побежала к Норме.

В коридоре недовольная заминкой вторая одноклассница-дежурная Кейт выкрикнула:

– Копуши! — и побежала вверх по лестнице, топя как слон.

– Эй, я тебе покажу, как обзывать! – погрозила Норма, но ее хриплый голос едва справился со столь внушительной тирадой и прозвучал тихо и беспомощно.

– Ну и пусть бежит. – улыбнулась Джуния. — Не хватало еще по лестницам бегать. Если Оффенбах увидит, вlepит замечание.

– Копуши, копуши! – кричала снова Кейт, но уже сверху лестничного пролета.

– Я ей покажу. – зарычала Норма, сжав кулаки.

Джуния и Норма поспешили за Кейт. Шуму та натворила немало. Поэтому следовало, как можно скорее оказаться в своих спальнях на третьем этаже. Конечно, учениц не будут ругать за то, что они припозднились из-за дежурства. Но кричать и бегать по школе не разрешали никому.

– Джуния, ты вся дрожишь! – обеспокоенно зашептала Норма, когда обернулась. Пробежав пару лестничных пролетов, Джуния отстала. Норма вернулась и увидела подругу, едва перебирающую ногами, задыхающуюся и дрожащую как осиновый лист.

– Ой, — к своему удивлению, Джуния поняла, что это так. – это... это, наверное, от грязных тарелок. Слишком много унесла за раз... – лепетала Джуния, пытаясь успокоить и себя, и Норму. Даже эти слова дались ей с трудом. Неимоверная слабость вдруг навалилась на Джунию. Сердце молотило как после продолжительного бега, а легкие болели и разрывались. Лицо Джунии искривилось от боли.

На стену легла огромная тень, при виде которой Норма подпрыгнула и прикрыла рот ладонью. Но было поздно.

Шаги гадкой Кейт канули в тишине полутемных переходов замка. На лестнице отчетливо шуршали новые шаги.

Сестре-хозяйке Оффенбах все равно кто кричал и бегал по школе. Отчитает, кого увидит. В этом и заключалась суть некрасивого поступка Кейт. Она прекрасно знала, что по обыкновению строгая Оффенбах вечером уходит в комнату на втором этаже. Вообще ее комнаты (как сестры-хозяйки, так и спальня) располагались внизу на первом этаже рядом с черным ходом. Но Оффенбах заселилась и в удобные спальни на втором этаже, отведенные для учителей.

Грузная суровая Оффенбах надвигалась на беспомощных учениц. В зеленом халате расшитыми с красными цветами. Обутая в мягкие тапочки она явилась в образе еще страшнее обычного.

– В сторону! А ну прочь! – велела она.

Девушки вжались в стену и, когда полная фигура удалилась, переглянулись.

– Вот удача! Странно, что она нас не отругала.

– Да, повезло. Она сегодня весь день злая как волк. Бежим.

– Кейт я этого так не оставлю. Она нарочно хотел нас подставить! – сощурила глаза Норма и сжала пальцы в кулаки.

Проходя мимо второго этажа, девушки разом посмотрели в слабоосвещенный коридор. В коридоре царил полумрак. Светильник с лестницы освещал начало коридора и тусклая лампа в конце. Дверь комнаты миссис Оффенбах была приоткрыта. Норма нырнула в коридор.

– Стой! Ты куда? – ахнула Джуния.

– Я только чуточку посмотреть. – заговорщически зашептала Норма, крадись на цыпочках к приотворенной двери.

Не лучшая идея шататься после отбоя мимо спален преподавателей. Да и шепот Нормы прозвучал довольно громко. Джуния поспешила за подругой, чтобы удержать ее от новых неприятностей. Но очутившись в паре шагов от раскрытия тайны, осмелела. Никто из учеников школы никогда не заглядывал в спальню миссис Оффенбах, а слухов гуляло множество. От такого – «Будто она там складировает наворованное в школе добро», до почти «фантастического богатства» что она запикивает под кровать. Так или иначе, шанс приоткрыть завесу тайны выпал Норме и Джунии.

Держась в полумраке коридора и затаив дыхание, девушки подобрались к заветной цели. Из-за приоткрытой двери падал на облезлую ковровую дорожку желтый свет.

Норма первая сунула голову в комнату и замерла. Джуния в нетерпении толкнула ее локтем и вытянула шею, боясь переступить через порог запретной территории.

В комнате был зажжен свет. На скомканных одеялах валялось начатое вязание. Спицы и шерсть несуразно ядовитого оранжевого цвета. Черная штора до пола пугала своим силуэтом не хуже самой владычицы комнаты. На буфете стоял маленький телевизор с черно-белой картинкой. Доля секунды понадобилась, чтобы понять, что показывает телевизор. Это картинка с камеры наблюдения, висевшей над дверью в кухню. Черная мужская фигура топталась у двери. Позади с включенными фарами стоял автомобиль.

– Ага, —вырвался довольный шепоток из уст Нормы, и она перешагнула порог.

– Подожди, вдруг там кто-то есть, – шептала Джуния, размахивая руками, пытаясь ухватить подругу. Но та на цыпочках разгуливала по спальне и уже встала на четвереньки, ища под кроватью сокровища.

– Вот она где все прячет. —торжественные процедила Норма.

Джейн оглянулась в коридор. Плохое предчувствие терзало ее. По спине расплзался ледяной холодок близкой опасности. Миссис Оффенбах могла вернуться в любую секунду. Ни смотря на ее огромный вес, перемещалась она быстро.

Послышался разочарованный хрип Нормы «у-у», и та направилась к узкой двери в углу спальни.

– Норм... – Джуния шагнула за Нормой, намереваясь силой оттащить ее двери, которую та уже успела отворить.

Комнату наполнил резкий звук звонка. Девушки подскочили от неожиданности и пустились бежать вон из комнаты, обратно на лестницу, потом наверх в полумрак дремлющего этажа, где располагались спальни учениц.

Когда они бежали по арочному ходу, Джунии показалось, что она слышит далекие голоса внизу и ощущает морозный сквозняк с улицы.

Лежа в темноте в кровати, укрывшись одеялом с головой, Джуния мучилась от бессонницы. Ее тело одеревенело, мышцы стонали от усталости, а сон не шел.

Мысли в голове Джунии роились, отдаваясь гулким эхом ударов сердца в голове. Постепенно к пульсирующему гулу в ушах добавился новый шум и тихий крик. Джуния села в кровати. Одеяло упало на пол.

В темную спальню в щель из-под двери проникал свет. Кто-то топал за дверью. Тяжелые шаги. Джуния встала на пол и кинулась спрятаться за шкаф. У нее возникло ощущение, что страх ее ночного кошмара просочился в реальность и двигался снаружи по коридору, отыскивая ее, словно по запаху.

Оказавшись на холодном полу в пыльном углу, Джуния тарасилась в темноту. На темной стене комнаты чернели две кровати со спящими соседками по комнате. Задернутые шторы не

двигались. На них вырисовывались светлые квадраты лунного света, рассеенные рамой окна. Никакого движения нет. В комнате слышно только сопение спящих девочек

Сквозь пелену темноты, в которой все же дышал незримый страх, пробился светлый лучик. Джуния ощутила в себе невесть откуда появившуюся уверенность и воодушевление. Через полминуты дыхание стало ровнее. Дрожь в мышцах унялась. Джуния вновь обрела контроль над своим телом. Девушка не перестала бояться, нет. Но она не ощущала себя пойманной.

Джуния впопыхах переделась в свою школьную одежду.

– Ты чего не спишь? Эй, Джуни, это ты тут? – послышался недовольный хрип Нормы с кровати в углу.

Не успела Джуния что-либо ответить, как в коридоре что-то грохнуло, и послышались отдаленные взволнованные голоса девочек.

Полная Джуния решимости, поспешила к двери и выглянула в коридор.

Снаружи горела всего одна лампа. Та, что у лестницы. Коридор был пуст, но дверь самой первой спальни была отворена. Этаж наполнился шумом пробудившихся учениц. Выглянувшие из-за дверей спален ученицы сонно переговаривались, спрашивая друг у друга, что происходит?

– Не мешай, иначе применю силу! – как гром среди ясного неба раздался суровый мужской голос. Девочки вздрогнули и затихли. Ему спорил сдавленный осекшийся слабый голос миссис Стоунер:

– Что, что вы себе поз-во-ля...

Голоса шли из первой спальни. Все ученицы повернулись на ее отворенную дверь. Полоска света скользнула внутри дверного проема, выхватив огромную тень на полу. Раздался звон разбитого стекла, и слабый желтый свет ночника померк.

Чернота вырвалась наружу из спальни в коридор. Она тут же обрела определенные формы мужской фигуры в черном плаще. Шляпа-котелок отбрасывала тень на его лицо. Но его глаза поблескивали, как у дикого зверя. За спиной незнакомца, словно тень, возник второй мужчина в таком же плаще и шляпе. За ними, пошатываясь нетвердым шагом, вышла миссис Стоунер.

– Что вы творите? Прошу, про-шу...

– Ищи белобрысую. – зашипел черный незнакомец, надвигаясь над застывшими от страха девочками. Они рванулись назад в спальню, но незнакомец толкнул дверь и заглянул в комнату. Второй человек направился к следующей двери.

Миссис Стоунер растерялась и металась по коридору, не находя себе места и мучаясь в своем бессилии.

– Девочки, сюда, идите ко мне. Вот-вот, встаньте сюда. – она схватила двух самых маленький девочек и закрыла собой. Одна из них заплакала. Мужчина в черном даже не взглянул на них. Он шагнул в комнату. Спустя мгновения из нее выбежали девочки в пижамах и прижались к дальней стене коридора.

Джуния спряталась в самый темный угол своей спальни. До нее донеслись торопливые короткие легкие шаги, испуганные вздохи и возгласы. Скрипнула дверь в спальню рядом и тут же ударилась о стену. Внутри кто-то из девочек вскрикнул. Джуния же сообразила, что ее здесь найдут. Неописуемый ужас сковал ей ноги. Сделав глубокий вдох, она заковыляла в коридор, намериваясь прорваться к лестнице и бежать.

В коридоре было тесно. Все ученицы вывалились из спален, а выход в конце коридора теперь преградила высокая фигура черного незнакомца. Гомон и плач девочек наполнил воздух. У Джунии от общего гама закружилась голова. Во мраке коридора было невозможно не разобрать лиц.

Кто-то огромный налетел на Джунию и схватил железной хваткой. Джуния сжалась, пригнула шею и зажмурилась, словно ожидая удара. Теплые руки притянули ее в мягкие объ-

тия. Это оказалась сестра-хозяйка Оффенбах. Она утянула себе за спину маленькую Джунию, укрывая ее от грузно приближающихся шагов.

Джуния чуяла легкий сладковатый аромат дешевых духов. Их затмевал пропахший бензином и дорожной пылью незнакомец. Его кожаный затертый жилет и ремень несли потом и странноватым едким запахом. Джуния дрожала. В ее голове пульсировала кровь, отдаваясь приближающимся шагам и громкому резкому голосу. Незнакомец спрашивал кого-то, требовал, что бы ему кого-то показали.

В конце коридора плаксиво голосила миссис Стоунер. Теперь послышался еще один женский голос. Повариха. Но прежде ее властный и уверенный тон был слабой тенью волевой женщины.

– Вам сюда нельзя. Немедленно уйдите! Прошу, вернитесь вниз в кабинет директора. Куда? Что вы делаете?! – запыхавшаяся растрепанная повариха маячила за спиной высокого мужчины в черном плаще. Тот не обращал на нее внимания. Суровое лицо с каменной гримасой невозмутимости надвигалась на сестру-хозяйку. Темные глаза шарили по бледным лицам учениц, заглядывали под распущенные волосы.

А когда верзила бесцеремонно полез искать в следующей спальне, простерла руки в потолок:

– Боже милостивый, что же это твориться?!

– Здесь одни темноволосые. – прорычал недовольный бас прямо над Джунией. Она зажмурилась, прижалась к спине укрывающей ее сестре-хозяйке, ожидая неизбежной участи. "Они ищут меня! Прямо как в моем кошмаре!"

Удар сердца. "Вот-вот меня заметят..." Джуния вздрогнула. Шаг, стук тяжелого сапога по полу. Удар сердца. Еще шаг.

Джуния ощутила, как жар охватил ее голову. Ладони почувствовали слезы на щеках. Джуния всхлипнула. Что-то толкнуло Джунию к стене. Недовольно фыркнула сестра Оффенбах. Тяжелые сапоги прошли мимо.

Джуния отняла ладони от лица и приподняла голову. На ее глазах лежала серая пелена – точно паутина. Джуния попыталась сдернуть ее с себя. Она всегда боялась пауков. Пальцы запутались в ее волосах.

Мимо прошелестели знакомый халат.

– Я прошу, сейчас же покиньте мою школу! Я все расскажу директору Дефостеру. Я расскажу...

Грузная фигура сестры-хозяйки подтолкнула Джунию вперед. Она повиновалась.

Руки толкали сильнее в толпу девочек. Сестра-хозяйка Оффенбах тащила Джунию к лестнице. Испуганные лица одноклассниц остались в стороне. Кто-то побежал. Сначала одинокий торопливый шелест шагов. Затем вихрь. Девочки бросились бежать кто куда.

Холодные каменные ступеньки в темных пролетах. Сестра-хозяйка неслась по лестнице вниз, увлекая за худую руку девушку. Джуния послушно неслась следом, оступаясь мимо ступенек. Мимо проскользнуло несколько школьных пижам. Частое дыхание и всхлипы. Яркая лампа коридора отразилась в не зашторенном окне. Джуния непроизвольно взглянула на свет и вздрогнула в немом удивлении. В отражении стекла на нее смотрело темноволосое лохматое привидение.

Джуния споткнулась и упала на пол, цепляясь за платье сестры-хозяйки.

– Чего ты? Поднимайся, скорее! – Охнула сестра Оффенбах, схватила девушку в охапку и понесла в темный угол под лестницу.

– Очень хорошо, очень хорошо. – быстро тараторил директор, касаясь волос Джунии. Вместо светло-золотистого цвета они оказались черными.

– Миссис Оффенбах, сейчас же вернитесь к девочкам. – велел директор Дефостер. – Вы им нужны сейчас как никогда.

– Они разбежались по школе.

– Отлично.

– Отвлеките наших гостей, мне нужно всего пара минут.

Человек в черном плаще быстро прошелся по опустевшему коридору. Из спальни вышел второй человек в таком же плаще. Он швырнул на пол сорванную занавеску и пнул подушку грязным мыском сапога.

– Где она! – заревел он и повернул налитое злобой лицо к сестре Стоунер, которая рыдала в объятиях поварихи.

Та замотала головой и попятилась к лестнице.

Тогда человек обратился к поварихе.

– Клер, где Клер? Она была сегодня тут?

Страх заставляет повиноваться, особенно когда вводит в безумие. Вдруг Стоунер кивнула в ответ. Говорить она была не в силах. Только плакать.

– Где ее комната?

Дрожащий палец указал на дверь.

Второй в черном подошел к своему приятелю и шепнул на ухо:

– Постель смята. Она была здесь. В шкафу нет школьной формы. Ее предупредили. Она не могла убежать далеко.

Первый сдвинул брови и поджал губы, припоминая: не заметил ли в коридоре ученицу в школьной форме и был готов поклясться, что видел. И волосы у нее были не светлые. Он резко выдохнул и побежал прочь по коридору.

– Пошли.

Вдали от уличного фонаря среди серых сугробов снега чернелся изгиб автомобиля. Джунии напряглась всем телом, когда дверь машины зычно скрипнула в ночи. В салоне блеснули чьи-то огромные глаза, и тут же ладони Джунии схватили ледяные пальцы. По спине Джунии поползли мурашки. Спустя короткий миг паники, что бушевал в мозгу, Джуния опомнилась и сообразила, что находится в объятии своей подруги Салли. Та рыдала, уткнувшись ей в плечо. Две девушки сидели в непроглядной тьме салона автомобиля и ежились друг к другу. За окном мелькали силуэты деревьев. Машина с выключенными фарами бесшумно скользила в ночи, увозя девочек в сторону дикого леса. Лишь напряженный рокот двигателя пофыркивал в зудящей тишине леса, словно недовольный сторожевой пес, которого заперли в подвале.

Глава 4. Темная энергия

Когда Марианн расслабился и сонно зевал, созерцая желтый абажур лампы, раздался стук в дверь. Звонкий и резкий. Он, словно удар молота, разнесся в тихом нутре домика, сотрясая воздух. Сердце у Марианна сжалось.

«Яков вернулся!» – была его первая мысль. Марианн поругал себя за то, что не погасил лампу. А потом он вспомнил, что дверь призраку не преграда.

Наглый стук повторился. Затем снаружи надавили на дверь. Запор дрогнул, но устоял. Послышался сдавленный голос, усталый и негрубый:

– Открой! Впусти меня!

Марианн повиновался и отпер дверь. Голос за дверью словно возымел над ним власть. С другой стороны, оставлять человека на улице зимой ночью нехорошо и неправильно. Да и Яков рядом и может напасть на любого, кого встретит.

Как только Марианн отодвинул засов, в хижину ворвался закутанный в шубу здоровяк. Он прикрыл за собой дверь, вытолкнув морозную тьму, скинул капюшон, бегло огляделся и грузно выдохнул, смерив Марианна хмурым взглядом:

– У-уф, как я продрог! Эгей. – нервная улыбка расплзлась по морщинистому лицу незнакомца. В узких глазах блеснули острые искорки. Казалось, все они могли уколоть не хуже иглы. – Ты кто?

– Я заблудился, – отстранился Марианн. От этого человека веяло опасностью. Короткая черная борода торчком, густые брови и этот взгляд, что буравил Марианна насквозь.

– Не ожидал здесь кого-нибудь встретить. – незнакомец задержал взгляд на темном углу, куда свет лампы и отблески камина на пробивались. – Меня зовут Виатор. А тебя?

Виатор сбросил с плеча ношу (сумку из толстой кожи с длинной лямкой, именно с такой, по мнению Марианна, и ходят охотнику) и поспешил к очагу погреть руки.

– Я Марианн.

– Откуда ты здесь взялся, Марианн? – Виатор швырнул обледенелые варежки на пол и закричал, когда его дрожащие пальцы озарило пламя.

– Отбился от своего класса.

– Ну, ты и выглядишь как ученик. – Виатор кивнул на школьную куртку Марианна. – Ты тут один?

– Один. – Марианн обернулся к скамейке. Мигнис исчезла, как будто ее и не было вовсе.

– Что там такое? – вытянул шею Виатор. Жест Марианна не ускользнул от гостя.

– Ничего.

Морщины на лице Виатора растянулись в сдержанной ухмылке.

«Молокосос меня боится.»

Марианн смотрел на Виатора и морщил нос. От шубы гостя мерзко пахло. Снежинки на мехе подтаяли и походили на повисшие иглы дикобраза. К тому же, Марианну померещилось, что он слышит мысли Виатора и они такие же опасные, как и облик охотника.

– А вы охотник?

– Я – охотник? – Виатор возмущенно вскинул брови. – Можно сказать и так. Лучше скажи мне: как это ты отбился от своего класса? И где эти твои? Бродят где-нибудь поблизости?

– Не бродят. Я заблудился, – сказал Марианн частично правду. А сам думал, не раскрыть же первому встречному, куда он идет и какие у него проблемы?! Он – оборотень. А Виатор человек и не поймет Марианна. А когда поблизости рыщет злобный призрак, лучше держаться живого человека. Вдвоем не так страшно.

Виатор с прищуром косился то на Марианна, то на очаг.

– Мы с классом ходили в поход. И на обратном пути я отстал. А потом упал с горы. По железной дороге выбрал к хижине и...

– В поход? – перебил Виатор. – Тут давно никто не ходит. Тем более в походы. А чего это ты упал?

– Подошел близко к краю, и меня лавиной снесло вниз.

– Да-а, бывает. А что за школа?

– Святого Элвисия.

Виатор кивнул.

– Да, есть такая. Она на юге отсюда. Я слышал, там «святоши» учатся. И все-таки это прямо чудно, что ты сюда один добрался, так далеко.

Марианн никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь называл учеников «святошами». Это неверное и даже некрасивое прозвище, а из уст Виатора оно прозвучало особо пренебрежительно. Марианн отвернулся.

– Дикие тут края. Ты мог замерзнуть насмерть. Хм, да еще и один... Ну, я тебе помогу.

Виатор вытянул шею, вцепился грязными ногтями в свою сумку и направился к сундуку в углу. Он без смущения по-хозяйски откинул крышку сундука и принялся ковыряться в нем.

Хоть Виатор и походил на охотника, как себе представлял его Марианн, что-то в этом человеке настораживало. Охотник? Сумка для дичи у него есть, а ружья нет.

Марианн покосился на подозрительного охотника, заколебался, но все же задал вопрос, который сильно раздирал его:

– А вы как здесь оказались? Охотились?

Виатор на миг вытащил нос из сундука и неразборчиво промычал себе под нечто смахивающее на ругательство. Марианн решил ничего не спрашивать. А еще лучше вообще не разговаривать с этим человеком.

– Я тоже потерялся. Прямо как ты, – проговорил вдруг лилейным тоном Виатор. – Шел я с другом на восток, хм, в Естерби. У него там брат живет. Мы повздорили немного, и разбежались. А ты никого не встречал? Хм, я шел вдоль железной дороги. А он, друг мой, потопал через лес. Вот такая история. Мне придется заночевать здесь с тобой. А он, наверное, уже в Естерби спит и посапывает в теплой постели. А может, его и волки сожрали или замерз в снегу. Вот так! Нельзя спать на холоде. Но если знать, как вырыть себе берлогу в сугробе, то запросто можно и пережить ночь. Она как кокон удержит тепло. Главное чтобы шуба была надежной.

Виатор пошевелил плечами, демонстрируя свою шубу, и громко захлопнул крышку сундука. Заметив взгляд Марианна, пояснил:

– Я здесь кое-что оставил, когда ночевал в прошлый раз.

Затем глаза Виатора впелись в рюкзак Марианна. Брови сошлись на переносице. Он расстегнул шубу и задумчиво поплелся к очагу, цокая зубами. Он стал лениво подкладывать поленья в огонь. Его лицо, озаряемое пламенем снизу, выглядело бледным, как у мертвеца, суровым и твердым, как у каменной статуи.

Не нравился Марианну новый гость. Но что он мог поделать? Выйти прямо сейчас в путь в надежде найти другое убежище на эту ночь? Тяжело вздохнув, Марианн ощутил, насколько сильно устал за сегодняшний вечер. Ноги опухли и подкашивались. Он побрел к скамье. При каждом движении стопы отдавались зудящей болью. В таком состоянии он свалится через сотню шагов и замерзнет насмерть в лесу. Нет сил и рыть берлогу. Придется потерпеть Виатора до утра и самому необходимо вздремнуть, чтобы набраться сил. Скучного ужина было недостаточно. На хлебе и сыре далеко не уйдешь.

Марианн подумал, что с Мигнис ему было бы спокойней ночевать. Приглядевшись внимательнее, он заметил мышь под скамьей. Она старательно утаскивала шерстяную варежку в нору – черную дыру возле ножки скамьи.

Марианн открыл рот, чтобы окликнуть ее, но спохватился в последний момент. Ему не хотелось, чтобы Виатор увидел Мигнис. Тот, услышав вздох Марианна, обернулся. Мигнис исчезла в тени, оставив варежку. Конечно, она еще вернется за ней.

– И как же ты без снегоступов в поход пошел? – вдруг спросил Виатор.

Марианн пожал плечами.

– Потерял, – быстро придумал он, забыв, что пообещал себе не разговаривать с Виатором.

– Тебя, наверно, ищут? – Виатор достал из кармана телефон и посмотрел на экран. – Я мог бы сообщить, кому надо, и в школу позвонить, но здесь нет сети. В этой местности вообще нет сигнала. Нигде. Ого, уже почти полночь. Завтра я покажу тебе дорогу. Не переживай, вернешься в свою школу. Сейчас ложись спать. Я на скамье устроюсь. Не против?

Марианн расположился около очага. От охапки дров голодный огонь разгорелся и трещал как на пиршестве. Дым не весь находил дымоход. Часть серых клубов лизала стену и коптила потолочные бревна.

«Тут теплее, чем где-либо еще в доме», – подумал Марианн. Согревшись у огня, он почувствовал непреодолимую слабость. Мысли путались, как будто дым проникал в голову. Потрескивание дерева в очаге успокаивало. Жесткие доски пола перестали ощущаться. Глаза сами закрылись в сладкой дреме.

«А что завтра? Пройти немного на юг, пока Виатор не исчезнет из виду, а потом сразу на север», – прикидывал во сне Марианн. – «Не зачем Виатору знать, куда я направляюсь».

В дурманящий сон пролез шорох. Будто кто-то нарочно расковырял в нем щель. И через эту щель в тело хлынули холод и горький запах древесных углей. Грань забытья истончалась. Юноша ощутил, как нечто тронуло ухо. «Мигнис, наверно».

Марианн ощутил прикосновение к щеке. Втянув воздух, он приоткрыл глаза.

Перед его лицом шевелились огромные серые полосы. Когти зверя. Он повернул голову, пытаясь увернуться от острых лезвий. Это далось с огромным усилием, словно чужая воля парализовала Марианна. Когти промахнулись и ушли в сторону лишь щекоча ухо. Потом появились снова. На этот раз Марианн рассмотрел угрозу яснее. Серые с острыми иглами кончиками они просвечивали через себя желтый свет.

Вдруг грань сна лопнула, и пелена дремы пала с глаз. Когти растаяли. Марианн услышал сдавленный взглас, полный страха и ужаса. Желтая вспышка перед глазами обожгла брови. Над головой блеснула полоска стали лезвия длинного ножа. Расплывчатая черная фигура закрыла потолок и в то же мгновение пала вниз. Марианн откатился в сторону. Нож вонзился в пол в то место, где миг назад лежала голова Марианна. Смрадный запах шубы Виатора наполнил легкие.

Виатор бросился на Марианна. Марианн закрылся руками, готовясь отразить следующий удар, но Виатор успел только замахнуться ножом, как из-под стола выскользнула тень. Широкая полупрозрачная дымка тени, от которой волосы встепенились, словно от ветра. Она врезалась в фигуру Виатора, и тот с грохотом опрокинулся назад. Затем тень обрела длинные руки-щупальца, которые обвили вокруг Виатора. Тот закричал, забарахтался. Тень потащила великана в угол. Раздался шум борьбы. Сапоги Виатора били о грязные доски пола. Нелепое бормотание вырывалось из его горла.

Марианн вскочил и, пошатываясь на затекших ногах, отпрянул в противоположный угол от дерущихся фигур, расшвыривая попадавшие под ноги развороченный рюкзак с его содержимом.

Виатор привстал, размахивая руками. Раздался громогласный рев страха, от которого задрожали стены.

Лохматая фигура Якова на мгновение отпрыгнула от Виатора. В ответ призрак захрипел низким страшным голосом. Виатор замер, словно пронзенный потусторонним криком, и упал. Больше он не двигался.

Яков медленно отвернулся от своей жертвы и, не замечая ошеломленного Марианна, просочился сквозь стену.

Минуту Марианн стоял и не дышал, приходя в себя.

– Он мертв? – Марианн не узнал собственный голос. Бесцветный, дрожащий. В глазах у Марианна зацепило. Он знал, что никак не может помочь поверженному человеку.

– Если б не Яков, Виатор убил бы меня, да? – прошептал он, спрашивая Мигнис. Она нужна была ему сейчас, как никто никогда прежде.

– Если бы ты не заснул так крепко, то не убил бы, – слышался голосок мыши. – Я пыталась тебя разбудить. Ми-ми, да, хорошо, что Яков находился под столом все это время. Мне этот «ми-охотник» сразу не понравился.

– Яков меня спас! Почему?

Мигнис медленно выползла из-под скамьи.

– «Ми-охотник» тебя сфотографировал.

– Что? – не поверил Марианн. Мигнис смотрела не на обездвиженное тело Виатора, а на прямоугольный предмет рядом.

Марианн осторожно подошел ближе и узнал в знакомых очертаниях телефон.

Держась как можно дальше от мертвеца, он зацепил телефон пяткой и толкнул к себе. Вспыхнул тусклый свет. На экран распустилась паутина трещин. Через нее обрисовался графический ключ, стандартный экран блокировки. Марианн провел по экрану большим пальцем, соединив точки произвольные линиями. Ничего не произошло.

– Я не знаю ключа, – отдернул пальцы Марианн.

Мигнис подбежала к лежащему на полу телефону.

– Давай я.

Марианн с интересом уставился на Мигнис. Та коснулась экрана лапкой и поползла по нему, соединяя точки графического ключа линиями. При этом ей пришлось перелезть через телефон два раза на вытянутых лапках, что выглядело забавно. Экран блокировки свернулся, и тут же засветились иконки приложений.

– Вот это да! – искренне восхитился Марианн. Он сел перед мышью на пол и взгляделся в рисунок на экране. – Мигнис, ты чудо!

– Да ладно, – скромничала Мигнис, но была очень довольна похвалой. – Я видела, как он водил пальцем. Ми-ми-ми.

Марианн коснулся середины тачскрина и вызвал загруженное приложение. Открылась бело-желтая картинка с линиями разной толщины.

– Это карта! – Масштаб был слишком крупным. – На ней отмечена точка. Цель. Да, точно. Смотри, вот координаты выведены. – Марианн указал пальцем в угол экрана. – Эта программа для навигации. Она работает даже вне телефонной связи. Телефон принимает сигналы GPS-спутников и определяет свое местоположение. На моем телефоне установлена подобная программа. Хм, на карте проложен маршрут. Толстая линия показывает пройденный путь. Точка в центре – текущее положение телефона. Видишь, Мигнис? Вот наша хижина. Тогда... – Марианн склонился ближе к карте, – где железная дорога? Ее нет на карте.

Марианн нахмурился, почесал лоб.

– Цель назначения на карте совпадает с нашим положением. Получается, он, – Марианн нарочно не стал называть Виатора по имени. Он ощущал нечто пугающее бесформенной шубе. И этот страх теперь распространялся и на имя Виатора. Будто теперь и он мог явиться призраком на зов своего имени, – он направлялся именно сюда. Хижина и есть его цель. Не Естерби, как он говорил.

– Посмотри внимательнее ми-сюда, – пробежала мимо Мигнис. Марианн наклонил голову набок. Среди линий схемы не выделялось ничего особенного.

– Виатор сказал тебе, что направляется на восток. – При имени мертвеца липкий холодок коснулся поясницы Марианна, – Восток всегда справа на карте. И Виатор пришел от туда.

Марианн подивился осведомленности мыши в таком деле и попытался увеличить обзор карты. Дрожащие пальцы плохо слушались. Не с первой попытки карта поддалась, облекая прошлое своего пользователя. Мигнис оказалась права. Начальная точка пути тоже не имела рядом никакого населенного пункта. Как будто он явился невесть откуда.

– Нет. – твердо выпалил Марианн нахлынувшим в его голове сверхъестественным страхом. – «Он» просто проложил карту в дороге и, конечно, вышел из города или деревни. Пункт назначения вбил по координатам. Как же еще?

Марианн присел на пол и задумался. Виатор соврал про Естерби и, вообще, про все: конечно, он не собирался показывать Марианну, в какой стороне его школа. Ну и пусть. Что с того?

Но от раскрытия обмана Марианну стало обидно. Пусть «он» был всего лишь человеком, но с плохим умыслом.

– Ми-марианн, «он» говорил о своем друге.

Мурашки побежали по коже Марианна.

«Конечно, Виатор мог придти не один!»

– Верно, говорил. – Марианн оглядел комнату новым взглядом. И сейчас она напоминала могильный склеп. Лампа потухла. Очаг почти угас. В полумраке серел квадрат окна. В одном месте, где лед истончился, образовался глазок. Марианна затошнило, когда фантазия, всколыхнутая страхами, нарисовала медведя стоящего на двух лапах или человека в медвежьей шкуре, подглядывающего в оконце.

Марианна прошибло холодным потом, как ударом. Голова пошла кругом. Он вспомнил слова Мигнис о темной энергии. Несомненно, ее проявление он ощутил, когда призрак напал на Виатора. Вот отчего Марианна сейчас трясло. Вот почему мрачный зуд обреченности царапает нутро. Такого он прежде никогда не испытывал. Это не было просто страхом. Хижина таила угрозу. Неведомое существо ощущалась в каждом предмете и даже в спертom воздухе.

О пересечение миров Марианн не подумал.

Развороченный рюкзак валялся под столом и Марианн потянулся за ним.

– Мне пора уходить, Мигнис. – собравшись с волей, выдохнул Марианн. Ему было плевать на фотографии в чьем-то телефоне.

– А далеко ты направляешься? – спросила Мигнис с жалобной ноткой в голосе. – Возьми меня с собой.

Марианн уставился на мыш. Ему не приходила в голову такая мысль, хотя расставаться с Мигнис ему не хотелось. Она была полной противоположность хмурой хижине и стала другом за последние часы.

– Конечно, с радостью! – выпалил Марианн и улыбнулся.

– Тут мне голодно и холодно. Выпустишь меня в первом же теплом доме. А еще лучше – в гостинице или в трактире. Или где захочешь. Я совсем не требовательна... – быстро говорила мыш, уговаривая Марианна.

Он кивнул, прикидывая, куда деть мыш, чтобы та не замерзла на улице.

Мигнис цепкими лапками уже карабкалась по куртке Марианна. Он вжал голову в воротник, когда та залезла на плечо. Затем Мигнис спустилась к нагрудному карману, носом открыла клапан и залезла внутрь. Марианн прислушался, ожидая, что будет дальше. Внутри кармана Мигнис рыла лапками или кусала. Ткань подергивалась. Затем внизу образовалась маленькая дырочка, в которой на секунду появился нос мыши и тут же исчез.

«В такое отверстие Мигнис может смотреть наружу только одним глазом» – прикинул Марианн, когда мыш выглянула из клапана кармана.

– Варезку не забудь, – пропищала она и скрылась в своем новом походном укрытии.

Посреди комнаты лежала варежка.

Шагнув к двери, Марианн задел что-то ногой. Предмет отскочил и зазвенел по полу. Нож Виатора. Юноша решил, что нож в лесу – полезная штука, и подобрал его. А еще из вещей Виатора Марианн прихватил с собой снегоступы.

Глава 5. Погоня

Марианн отпер дверь и выглянул наружу. Сумрачный пейзаж стал мрачнее. Темень принесла с собой завывающий ветер. Он скулил в еловом лесу и носился вдоль рельсов железной дороги. Возле хижины никого не было видно, ни медведя на двух лапах, ни Якова, ни приятеля Виатора.

Марианн ступил в ночь. Тут же мороз вцепился в его одежду и стал пробираться под куртку. Марианн сильнее сжал пальцы в варежках, еще хранивших тепло хижины. Мигнис спрятала свой нос глубже в кармане.

Марианн оглядел на снег возле хижины. Местами темнели ямки следов. Кто-то ходил вокруг хижины и подходил к окну. По форме отпечатков стало ясно, что на ногах этого человека были снегоступы. Под окном снег утоптан сильнее. Значит, Виатор какое-то время еще следил за Марианном через окно, прежде чем постучаться в дверь. А теперь он остывает в этом бревенчатом склепе, где ему не суждено обрести покой. И лампу для него никто не зажжет. А может снег и вовсе занесет этот домик и погребет под собой тайны этого места.

Марианн поспешил прочь от злосчастной хижины. Старые ели приняли путника в свои объятия и скрыли прошлое в тенях. Впереди простиралась снежная степь. На горизонте возвышались миражной дымкой деревья. По левую руку ели спускались к равнине и, словно разбитые волнами о камни корабли, обращались в бурелом.

Ступая по глубокому снегу, Марианн радовался, что на ногах теперь снегоступы. Идти стало легче. Ботинки не так глубоко проваливались в зыбкую пучину. Снег недовольно скрипел, пусть и неохотно, но держал человека на своей глади.

Довольно скоро Марианн почувствовал немую угрозу. Он был здесь не один.

Черные фигуры возникли на склоне по левую руку. Их насчитывалось около дюжины. Прежде люди прятались в тени деревьев. Чуть глубже в лесу поблескивали красные блики костра.

Марианн окинул взглядом людей и продолжил идти вперед, надеясь миновать их. Люди. Не призраки. Они шли вразвалочку, утопая в снегу. Короткая переключка, осторожные возгласы. Люди встревожились. Должно быть, они сразу заметили Марианна, и вышли ему наперерез, оставаясь незаметными под прикрытием больших сугробов и поваленных деревьев. Теперь они окружали Марианна.

Закутанные в меховые шубы, в сдвинутых на затылок шапках они походили на разбойников. При ближайшем рассмотрении, Марианн понял, что одежда на них была такая же, как на Виаторе. Кожаные сапоги ближнего оказались испачканы глиной или землей. Снегоступов нет. На грудь свисает шарф, что должен закрывать нижнюю часть лица, а сейчас откинут за ненадобностью.

В нос ударила смрад грязных шуб и перегар табака. Тот же тот же запах, что и от Виатора. Теперь в нем Марианн распознал отвратный запах крови и смерти.

Самый крупный из охотников преградил путь Марианну и крикнул:

– Куда-то торопишься, парень?

Голос говорившего незнакомца хрипел, словно спросонья, был жестким и грубым. Мужчина вызывающе оглядывал Марианна. У того сжалось сердце. Спустя миг он понял, что это Мигнис распушилась в кармане.

Марианн не ответил и отошел правее.

– А вот мы так не считаем. – Верзила перебрался вправо и встал еще ближе, преграждая путь. Он скинул с плеча ружье и с кривой усмешкой шелкнул затвором. Марианн остановился.

– Эй, Улисс! Проверь, как там Кэссиус. Что-то его не видать. Уж не сбежал ли он с нашим золотишком, а? Глядишь, а его опять след простыл. Трус он слабохарактерный. И все об этом знают. Надо было тебя, Улисс, на разведку отправить.

Люди взволнованно переглянулись между собой и заворчали. Мысль о краже некоего золота их всерьез обеспокоила. Самый худощавый и низкого роста, спотыкаясь, побежал к хижине.

Марианну показалось, что Улисс совсем молодой парень. Не на много старше него.

– А ты чего стоишь как истукан? – снова обратился главный к Марианну. – Давай раздайся! Карманы мы потом вывернем и посмотрим, не прячешь ли ты там золото. Небось, прихватил кусочек, коли ночью бежишь!

По хищному оскалу и бешеным глазам верзила Марианн видел, что разговором его не убедить. Скажи Марианн, что не знает ничего о золоте и не видел никогда, его все равно не отпустят. Тем более теперь, когда он услышал о золоте.

Раздеться? Уж не ослышался ли Марианн? Этих разбойников не заботило то, что с ним станет. Скорее, наоборот: они хотели, чтобы он насмерть замерз. Марианн не пошевелился. Главарю шайки это не понравилось. Он злобно выкрикнул:

– Эй, молокосос, что-то я смотрю, ты не торопишься. Придется тебя подстегнуть.

Позади невольно лязгнул вынимаемый из ножен клинок. Несколько одобрительных хохотков раздалось рядом. Круг окружения тем временем сужался. Двое верзил позади Марианна подобрались совсем близко. Марианн не слышал их осторожных шагов, но уловил их дыхание и запах вонючего табака, который источали их легкие. Поняв, что на него вот-вот набросятся сзади, Марианн извлек нож Виатора и обернулся лицом к крадущимся врагам.

Голос главаря предупреждающе зашипел:

– Мне, честно говоря, плевать, кто ты и как тебя зовут. Ничего личного я к тебе не имею. Но вот жить нам на что-то надо. И кровью мараться не хотим. Снимай куртку, дурак, и останешься в живых!

Голос главаря давился слюной от злобы. Марианна бросил беглый взгляд на главаря, пытаясь не выпускать из вида других разбойников. Особенно тех двоих, которые прятали клинки. Они по-любому убьют. Верить таким людям нельзя. Главарь дурит его.

– Нет, – выкрикнул Марианн, пытаясь скрыть дрожь в голосе. – Дайте мне пройти.

Эти слова вызвали дружный хохот разбойников. Марианн не видел тут ничего смешного. Значит, они смеялись над жестом главаря, который развел руками, как бы говоря «попробуй».

Марианна обуяла злость и ощущение собственной беспомощности. Нож в его руке дрогнул. В эту минуту полоса жемчужного света упала на снежную равнину и осветила людей. Мелкие снежинки-кристаллы заблестели под ногами, перемигиваясь с неведомой небесной силой. Марианн ощутил магнетизм, разливающийся по воздуху, и поднял глаза к небу.

Луна мистическим сиянием озаряла спящий в снегах мир. Черные фигуры разбойников показались маленькими обломками елей, что скатились от бурелома.

Мощный прилив сил охватил каждую мышцу Марианна. По телу прошлась волна горячего зуда от макушки до пят, будоража затекшие пальцы. Он блаженно вдохнул морозный воздух, обрадовался искоркам бесчисленных маленьких льдинок. Безмятежность и свобода наполнили его легкие. Как удивительно было чувствовать подобное. В груди Марианна будто полыхал огонь. В голове звучала тихая чарующая песня. Это казалось похожим на забытое, огромное и теплое чувство из его детства. Оно манило и подталкивало Марианна в свой неизвестный мир. Мир, который ождал его прямо сейчас. Двери были открыты. Но как в них войти?

Марианну вспомнился момент из далекого прошлого, когда рядом его окружали папа и мама. И еще кто-то...

Картина из детства наполнилась жемчужной россыпью. Она слилась в единый шар. Фигуры родителей таяли, как лед на солнце и скоро превратились в белый круг, плывущей в лазурной бездне океана.

«Это луна!» – вдруг осознал Марианн. Она источник его воодушевления и вдохновения.

Она близка, как никогда. Горяча, как солнце. Она трогает в самое сердце любовным ароматом. Ее мягкий свет преображает хмурый лес и безлюдные холмы в хрустальный рай.

Мышцы по всему телу Марианна напряглись, а затем застонали в истоме, желая высвободить безграничную энергию. Юноша даже чуточку поднялся над землей, стал выше. По крайней мере, он ощущал себя самым высоким и сильным существом на земле.

Мигнис неистово бесилась в кармане. Марианн этого не замечал. Его самого обуял жар. Слепил бледный свет. Глаза Марианна приобрели сверхчувствительность, что и ослепило его. Огромные зрачки наполнились голубой как океан бездной. Но организм Марианна поборол минутную слабость. Зрачки рефлекторно сузились. Марианн сощурился и опустил голову.

Черные силуэты в меховых одеяниях появились. Марианн не слышал, что они говорят. Верзила-главарь кричал и махал кулаком перед носом Марианна. На какую-то минуту Марианн забыл об их существовании. Они выпали из его поля зрения, из мыслей и вот сейчас снова замаячили вокруг. Свет Луны отчетливо освещал и равнину, и разбойников.

Розовое пламя озарило округу. Громкий хлопок, как гром, пробил невидимый купол. И к Марианну вернулся слух, или мир наполнился своими обыкновенными звуками. Главарь шайки выстрелил в воздух, а затем направил дуло ружья в грудь Марианна.

Мигнис успокоилась. Обжигающий огонь внутри угасал. Он слабо подрагивал, теплясь в кончиках пальцев и на зубах. Во рту появился кисловатый привкус крови.

– Снимай одежду! – захлебываясь слюной и бранью, кричал главарь. – Повторять больше не буду!

Марианн воодушевленный луной не испугался ни выстрела, ни угроз. Его не страшили разбойники. Пусть даже на него смотрело дуло ружья, и не одно.

«Я могу запросто убежать от них!»

Но сейчас Марианну хотелось не просто вырваться отсюда, а дать бой разбойникам. Не убить, нет, а наказать обидчиков. Проучить. И именно главного выбрал своей целью.

Марианна ощутил толчок в спину, сильный удар по скуле потного кулака. Затрещала ткань куртки, вспоротая лезвием. Марианн рванулся вперед на главаря шайки и врезался ему в грудь. Удар получился очень сильным. Верзила громко крикнул, кубарем полетел в снег. Его лицо искривила гримаса боли и ужаса. Он открыл рот, жадно хватая воздух, как рыба на суше.

Марианн пробежал по взъерошенному главарю и бросился прочь. В след неслись крики ненависти и брань. А Марианн уже выпрямился и бежал во всю прыть, на какую был способен. Он глянул через плечо. Как раз вовремя: один из разбойников целился из ружья ему в спину. Марианн рванулся влево, пригибая на бегу голову. Грянул выстрел. Пуля просвистела мимо. Марианн повалился в снег, затем вскочил на четвереньки и побежал во весь дух. Загремели еще выстрелы. Потом наступила тишина. Воздух наполнил едкий запах жженого пороха.

Марианн больше не оборачивался. Он несся по снежной степи, ощущая дурманящую свободу. И радовался ей. Ему следовало уйти из-под обстрела, укрыться за ближайшими елями. Но Марианн, наслаждаясь бегом, летел вдоль опушки леса, оттягивая миг, когда свернет во мрак, куда свет луны не проникает.

Собственное дыхание раздавалось в ушах, удары сердца стали сжимать горло цепкой хваткой, но Марианн не сбавлял ритма. Он бежал до полного изнеможения, пока не повалился в снег.

Утерев пот с лица, он подполз и осторожно выглянул из-за ствола дерева на снежную равнину. Оказалось, ему удалось преодолеть довольно большое расстояние. Намного больше, чем он думал. Группа людей в черных одеяниях растянулась точками на грани горизонта. Отды-

шавшись пару минут, Марианн уловил крики и стоны, искаженные эхом. Они колыхались на грани порога слуха и могли оказаться плодом воображения.

Видеть Марианна разбойники не могли. Однако следы на снежном полотне они не упустят. Если разбойники продолжат преследовать Марианна, то фору лучше не расходовать, сидя в бездействии.

«Я должен идти.»

Он поправил снегоступы и порадовался, что не потерял их во время забега. С ужасом склонился к карману куртки, вспомнив о своей спутнице.

– Мигнис, ты цела? Мигнис?

Карман зашевелился. Марианну предстала пара тонких усиков, выглянувших из дырочки.

– Ми-ми, в порядке. А ты?

– Тоже.

Марианн облегченно выдохнул и пошел в лес. Щека ныла от удара. Он улыбнулся, радуясь, что легко отделался от разбойников.

Мгла сгустилась сиюминутно. Внезапно набежали низкие облака и укрыли собой Луну. Марианн все же нашел в этом положительный момент: в темноте разбойникам будет сложнее его искать; тогда они и вовсе бросят затею с погоней.

Порыв ветра осыпал ледяными хлопьями голову Марианна. Он поежился и натянул плотнее капюшон. Обернулся, оценивая свежую полосу следов, оставленную им, и прислушался. Погони не слышно. Но если угроза и нагоняла, деревья и снег приглушали все звуки, кроме хруста снега под ботинками Марианна. Тяжело вздохнув, он сжал пальцы в кулаки и отправился дальше пробираться по сугробам. Впереди его ждала бессонная ночь.

Мигнис выглянула из своей норки, проверила ночь на запахи. Луны ей не досталось, и она зарылась в карман. Едкий мороз не понравился мыши. Тот так схватил ее за нос, что она еще с минуту чихала и вздрагивала, прежде чем затихнуть.

Чем холоднее снаружи, тем спокойнее внутри. Адский холод подарил душевный покой после бурной приключениями ночи. Но если прикинуть, то ночь еще не закончилась. Светает в зимнюю пору поздно, и списывать со счетов опасности, таящиеся в темноте, еще рано.

Марианн шел напролом. Хвойный лес то редел и поднимался в гору, то толпился плотной стеной на обрыве. Время замерло. Казалось, что холод сковал и лес, и звезды, все до чего мог дотянуть бестелесные руки. Незаметно он подкрался и к единственному оставшемуся живому человеку.

Ноги Марианна стали заплетаться. Усталость брала свое.

С того момента как луна напитала Марианна энергией прошла целая вечность. Скорее бы увидеть ее вновь. Завтра вечером он будет ее ждать. И луна обязательно вернется такой же дурманящей, что внезапно родилась сегодня. Жажда по ее блаженному свечению будоражила Марианна. Этот хищнический голод, нежданно пробудившийся, теперь ничто не в силах утолить. Только луна.

Марианн с надеждой посмотрел вверх. Капюшон мешал окинуть взглядом весь купол ночи. Как и черные мохнатые верхушки елей, утопавшие в водовороте снежинок. Падал снег. Лес таял в молочном тумане.

Деревья расступились и растаяли в белой завесе позади. Снег под ногами лежал ровно. Идти стало легче. Тогда Марианн сообразил, что открывшийся простор представляет собой замерший пруд или гладь уснувшей реки.

Мирный снегопад перерастал в метель. В капюшон противно скулил ветер. В снежной пелене Марианн потерял направление. Сообразив, что в такой обстановке он может бродить кругами, он решил двигаться вдоль берега – длинного снежного холма с лесом. К тому же, Марианн опасался оказаться на хрупком льде и провалиться в воду.

Колкие снежинки ветер бросал в лицо. Марианн улыбнулся. Метель заметет его следы.

Глава 6. Ледяное озеро

Марианн шел долго. Ветер выл, неустанно наполняя лес унылостью и грузным ощущением одиночества. Марианн пожалел, что Мигнис не выглядывает из кармана. Она, должно быть, спит. А ему хотелось услышать еще раз ее голосок, улыбнуться блеску ее черный глаз.

Ощущение одиночества переросло в нестерпимую грусть. В юноше голову прокрались мысли об обреченности и приближающей смерти. Марианну стало казаться, что через пелену снега за ним кто-то наблюдает. Это ощущение появилось в тот момент, как он ступил лед. Но сколько Марианн не таращился в темноту, никого не увидел.

Когда начало светать, Марианн едва перебирал ногами. Чертовски хотелось спать. Бессонная ночь полностью вымотала его физически и психически. Вместе с сумраком раннее солнце рассеяло и снегопад. Чувство страха и гложущего присутствия затаившего преследователя улетучились. Марианн приглядел укромное место под одиноким деревом, окруженным высокими сугробами.

«Хорошее место для сна.»

Он небрежно вырыл в сугробе углубление и улегся.

– Ми-мигнис, тебе не холодно? – сиплым, почти умирающим голосом прошептал Марианн, надеясь, что мышь его услышит.

– Замерзнешь тут, когда такое творится! – голоском тоньше обычного пискнула Мигнис. Оказывается, она уже выскользнула из кармана. Рытье норы в сугробе ее хорошенько встряхнуло.

– У тебя усы в ледышку превратятся. Вот, держи варежку.

– Нет уж, – вздрогнула Мигнис. – Она лохматая, как тысяча паучьих лап.

– Кажется, она тебе раньше нравилась. А если ты замерзнешь насмерть?

– Ми-ми, ну и пусть. Мы приходим в этот мир немощными и голыми и уходим из него такими же.

Марианну показалось, что он уже слышал подобное изречение. Скорее всего, на уроке по христианству. В другой день он бы улыбнулся, отметив хорошую шутку, но не в этот момент.

Почему-то от этих слов на Марианна нахлынула ностальгия по школе.

"Мы приходим в этот мир немощными и голыми. Такими и покидаем его.»

Марианн приоткрыл карман.

– Больше никаких резких движений. Обещаю.

И когда мышь скользнула с плеча в предложенное укрытие, Марианн положил рядом варежку. Марианн предусмотрительно улегся на правый бок, чтобы во сне не раздавить Мигнис. Мышь затихла в кармане, словно ее и нет.

Когда сон кружил туманом над измотанным юношей, в мыслях всплыло наставление директора Дефостера о лекарстве. В кармане куртки пузырька с настоем не оказалось.

Марианн тяжело вздохнул. Он не видел смысла в своей жизни. И будущего у него нет. Вся жизнь, какую он знал – это учеба в школе святого Элвисия. Другого окружения он не помнил. Оставшись один в лесу, он ощущал утрату всего что имел. Безысходная пустота съедала его изнутри.

Еще вдруг вспомнилась Джуния. Озорная девчонка, что улыбнулась ему на уроке. Мысли о ней могли согреть Марианна и наполнить сердце трепетом. Особенно воспоминание о ее взгляде. О том, что она одарила, когда улыбнулась. Всего один раз, когда их глаза встретились. Произошло это на уроке по физической подготовке. Марианн случайно толкнул ее, а она повернулась и неожиданно улыбнулась. Обворожительно улыбнулась. Как никто и никогда прежде. Тот миг перевернул весь смысл жизни Марианна, наполнил стены школы атмосферой

радости, словно приближался праздник день благодарения. И сегодня все перевернулось вновь, рухнуло в бездну: и радость, и школа, и Джуния.

Марианн подумал, а что если взять и вернуться в школу. Эти мысли показались волнительными. Потом стало только хуже.

В тоже время тонкая нить едва уловимого волшебного чувства билась в сердце. Горе тяжелой утраты было сильнее. Как только Марианн закрыл глаза и попытался уснуть, слезы хлынули из его глаз. Они застывали на щеках ледяными корочками. Глаза горели. Ноги ныли от усталости и холода. И Марианн нашел оправдание выступившим слезам в нестерпимой физической боли.

Образы друзей возникли перед ним. Такие далекие и недостижимые. А еще – брошенная в темном углу шуба. Из растерзанной шерсти тарачил стеклянные глаза мертвец.

Заснуть бы навсегда. Холод успокаивает, незаметно забирает жизненные силы, выпивает все потихоньку. И грусть, и тоску, и...

Над головой раздался крик птицы. Ее жалобный плач резко оборвался. У Марианна не осталось сил и желания, чтобы посмотреть, что это за птица. Эхо, напоминающее стон, два раза отразилось от небосвода и растаяло. Спокойствие незаметно наполняло каждую клеточку тела. Вот и шуба померкла в темноте. Больше Марианн ничего не помнил. Его сознание без оглядки полетело в пропасть сновидений.

Я в лесу. Сейчас светло. День, позднее утро или ранний вечер понять нельзя. Снежные сугробы и деревья обступили меня со всех сторон. Ветра нет. Спокойствие мира поражает своей монументальностью. Даже если я закричу, белая стихия безмолвия заморозит голос и эхо. Она уже заморозило во мне желание закричать, чтобы проверить, так ли это.

Я вижу красную розу на снегу. Нет, это не роза. Я преклоняю колено, рука замирает в сантиметре от прекрасного бутона. Его лепестки остекленели на снегу и превратились в хрупкое чудо. Если я коснусь цветка, он рассыплется.

Это уже было. И лес, и неизвестный цветок, и я. Кажется, во сне.

Бутон брошен в снегу. Красно-розовые лепестки раскрыты, словно ледяная смерть настигла внезапно, и они не успели свернуться, чтобы сохранить тепло.

Острые искорки бриллиантов мерцают как мелкий бисер. Влага обратилась в слезы. Гармония красоты и грусти. Симметрия формы и изогнутых линий рождает в воображении цветущий сад ярких запахов. А здесь белый снег и холод, безжизненный, замороженный лес. С неба смотрит прозрачная тишина. Ни души в округе.

Откуда бутон здесь? Кто его обронил?

Сквозь окутывающий холод в ногах, Марианн почувствовал, как студеный воздух проникает в легкие.

«Это сон... Всего лишь сон»

Марианн открыл глаза и напрягся, пытаясь сообразить, где находится.

Белый снег вокруг. Через узкий лаз снежной норы в лицо пахнуло влагой талой воды и запахом еловых веток. Громко перекрикивались птицы. Солнце освещало ледяную поверхность замершего озера. Она поблескивала множеством слепящих искорок.

Солнце стояло высоко, значит, время шло к полудню. По всепоглощающему чувству голода, может и позже.

Марианн выполз из лежбища. Озябшие руки и ноги отдавались болью при каждом шаге. Пересохшее горло карябал морозный воздух. Марианн принялся растирать окоченелые ноги. Мигнис выскочила из кармана и уселась на плече.

– Плохой сон?

– Нет. Очень красивый. Жаль, что он закончился. Мне не хотелось просыпаться, – признался Марианн, прикрывая глаза и пытаясь удержать в памяти еще не потухшие образы. – Все было как наяву, и я переживал по-настоящему.

– Успокойся. Разбойников тут нет, – пропищала Мигнис, усаживаясь перед Марианном на снегу.

– В нем не было разбойников. Только цветок... Во сне я нахожу цветок. Необыкновенный, аж мурашки по коже. Представляешь?

– Цветок? Ми-ми какой еще цветок?

– Красный, как роза. Только еще красивее. Лепестки как из бархата. Двумя словами: Королевский цветок. Вот такое название вертится на языке. Он замерзает, покрывается льдом. Я уверен, что сейчас он еще живой. Если его поставить в вазу в доме, он оттает, и будет жить. Я всегда просыпаюсь раньше, чем... И у меня нет дома.

– Тебе нравятся цветы. Потому тебе и снятся.

В ответ Марианн пожал плечами и с грустью выдохнул, словно терпя физическую боль.

Хватит разговоров, пора действовать. Первым делом он набрал веток и сложил костер. Но как ни старался, разжечь пламя не получалось. Вспыхнувший на спичке огонек быстро угасал, лишь лизнув ветку. После истраченных в пустую десяти драгоценных спичек, Марианн издал гортанный рык и швырнул коробок.

– Давай я попробую, – предложила Мигнис. Она молнией пронеслась по уложенным веткам.

Вспыхнул огонь. Не маленькая искра или язычок, а сразу большое и ярко-красное пламя. Марианн отдернул от костра руку. Мигнис запрыгнула на рукав.

– Здорово! – воскликнул Марианн. – Ты меня поражаешь! Не думал, что мыши на такое способны! А что еще ты умеешь?

– Может, и умею, – задорно пищала Мигнис, – Огонь я люблю. Помню, всегда его зажигала, когда хотела.

Как только руки распухли от тепла, а воздух наполнился запахом подпаленной ткани рукавов, Марианн заглянул в рюкзак. Он и Мигнис позавтракали бутербродами с сыром, запили их водой из пластиковой бутылки. Марианн с большим удовольствием проглотил на десерт шоколадный батончик. Мышь отказалась от шоколада. А шуршащая обертка понравилась. Мигнис сидела, распушившись, и царапала ее коготками.

Настроение у Марианна поднялось. Вчерашние невзгоды забылись. Только ноги еще болели от долгого пути.

Марианн нащупал в кармане куртки твердый предмет. Им оказался телефон Виатора. Марианн поймал себя на мысли, что скорее рад его кончине, чем огорчен. И тут же ощутил стыд за такие мысли. В школе ему внушили, что пагубные мысли – дурное проявление человеческой природы. И натуру такую следует исправлять молитвой. Никакая молитва сейчас не шла с языка. И Марианн понадеялся, что не падет низко, если отложит ее на потом.

Он разблокировал телефон, повторив код, что показала ему Мигнис, и изумился. Оказывается, программа навигации и трекинга работала все это время. Марианн проделал ночью зигзагообразный путь, что зафиксировалось на карте.

Марианн не шел на север, а блуждал по округе и ушел больше на восток, чем на север. Марианн попробовал найти на карте Волчью гору, чтобы оценить трудности маршрута и скорректировать курс. Тут карта оказалась бесполезной. Понять где гора и что она именно Волчья, было невозможно. В программе отсутствовали названия. Отображались только координаты и странные символы, которых Марианн не знал.

Заряда аккумулятора телефона оставалось меньше трети, и Марианн выключил телефон. GPS-приложение постоянно принимало сигналы от спутников, просчитывало местоположение и, следовательно, потребляло много энергии. Заряд надо бы экономить. Картой еще можно воспользоваться позже. Даже если символы Марианн прочитать не мог, их нанесение на карту говорило, что обозначенное место особенное среди бескрайнего леса. Например, это могла деревня или даже город.

Марианн достал компас, что вручил ему директор, и определил где север.

Пока светло следовало оглядеться и оценить местность. С открытого льда дальше видно. Марианн неохотно встал от костра и побрел на середину озера, держа компас на ладони.

Мигнис оставила свой фантик и запрыгала следом. Она вцепилась в штанину и вскарабкалась на плечо Марианну и пожаловалась, что озеро ледяное. Марианн хмыкнул – вокруг все ледяное.

– Эх, сейчас бы горячего кофе. – Мечтательно прошептал он, и ощутил, что вчерашние невзгоды его больше не беспокоят. – Не представляю, что бы со мной было, если бы я не нашел твою хижину, Мигнис. Точно, замерз бы. И не встретил бы тебя.

Мигнис промолчала. Марианну пришла мысль, что возможно мышь не всегда жила в доме. До этого момента он и не задумывался о ее прошлом. Некогда было. А ведь Марианн считал само собой разумеющимся, что Мигнис всегда жила в норе. Но ее образованность, что звучала в некоторых замечаниях, поражала. Должно быть, мышь обучалась в школе (если такие существуют) или лазала по книжным полкам в библиотеке. – Хм, а ты как в доме оказалась?

Мышь сидела неподвижно, как статуя, и будто не расслышала вопроса.

– Мигнис? – Марианн покосился на плечо и увидел черный глаз грызуна.

– Не хочу говорить об этом ни с тобой, ни с Яковом, ни с кем.

– Почему? Что тут такого? Я вот из школы бежал. На ночь глядя директор меня выпроводил. Сказал только, что за мной придут и мне угрожает смертельная опасность. А с тобой как? Не бежала же ты тоже из какой-нибудь школы?!

– Не спрашивай. Не хочу обсуждать. Тем более с тобой.

– Ладно. – голос Марианна потух. Он нахмурился, но спустя минуту улыбнулся, опять поворачивая голову к мыши.

– погоди, ты с Яковом разговаривала? Ха. Он же призрак!

– Призракам тоже хочется поговорить.

– И Якову? – Марианн вспомнил протяжный неразборчивый голос и слово «Яков». – Наверное, было не очень весело. Ночь, призрак и разговоры в темной комнате. – Марианн подавил смешок.

– Вот-вот. – пискнула мышь и отвернулась.

Поняв, что Мигнис молчит уже минуту, Марианн спохватился, что со своей шуткой хватил через край. Все-таки ночью заброшенная хижина являлся жутким местом, при воспоминании о котором Марианну становилось не по себе.

– Прости, не хотел тебя обидеть, Мигни-и. – просил Марианн.

– Яков и тот был учтивее. Если ты не возражаешь, я пойду к себе. – жестко затараторила мышь и улезла в нагрудный карман.

Марианн брел по снегу, пошатываясь и чувствуя себя отвратительно. Миг хорошего настроения сменился меланхолией и ощущением собственной неприязни. Как он мог такое сказать Мигнис?

Ни солнце, ни умиротворенный пейзаж не радовали Марианна. Он буркнул еще что-то в свое оправдание, что не выпался, что болит все тело, что ведет себя как дурак, но чувствовал себя все равно паршиво.

Озеро было огромным. Со всех сторон покоились усыпанные снегом деревья.

На северном берегу лес поднимался в непреступную гору. Гладь озера простиралась на восток и скрывалась за правым берегом. Теперь туда лежал путь Марианна.

Раскидистые темно-зеленые ели с заснеженными ветвями походили на пирожные в форме еловых шишек, обсыпанные сахарной пудрой. Рождественское лакомство, которое подавали на в детстве. Марианн сглотнул и постарался запрятать воспоминания. Но в желудке заскребло сожаление.

Тихий звук коснулся слуха Марианна. Сердце легонько дрогнуло. Мигнис выползла из кармана.

– М, м, с-спасибо, что взял меня с собой, не оставил там с ми-миртвецом.

Мышь хотела сказать что-то еще, но обратилась во внимание. Она тоже услышала странный звук. Тихое шипение, что тут же оборвалось.

Марианн, крадучись, прошел еще немного вперед к серому пятну, и понял, что перед ним полынья.

Темная вода в пробитой во льду дыре еще не замерзла, но таила неподвижность. Края полыньи неровные. Похоже, ее прорубили топором.

Здесь на середине озера лед оказался не толще пары сантиметров. А сама полынья чуть меньше метра в диаметре. На ум Марианну пришла мысль о зимней рыбалке, но для нее сверлили лунку меньшего размера.

Недра озера, открывавшиеся через пролом, выглядели необъятно глубокими. Возможно, потому что солнечные лучи не могли пробиться через корку льда и развеять мутные воды.

Безмятежным очарованием пахла вода. Марианну померещились нотки ухи, запах свежельвленной речной рыбы, тины и едкого дыма костра. Снова в его памяти пробудились потерянные воспоминания из детства. В нем улыбки близких, с кем Марианн отдыхал на реке, маячили вычурными мошками, и разглядеть лица он не мог. Сердце Марианна встрепенулось от волшебного умиротворения.

Очнувшись от наваждения, Марианн опустил на колено перед полыньей и зачерпнул воду.

Вода оказалось не такой студеной, как ожидал Марианн, и пальцы не мерзли. Марианн сделал глоток, не потому что ему хотелось пить, а чтобы вновь оживить памятный момент детства. Но прошлое закрыло свою дверь также неожиданно, как и отворило минуту назад. Серые пятна, которыми предстали родные или друзья, растаяли и не вернулись.

Поверхность воды колыхалась. Крупные пузыри газа из глубины лопались в середине полыньи. Марианн, не понимая зачем, склонился ближе к воде, но в ее тоще ничего не увидел. Пузыри лопнули, и вода вернулась в неподвижное состояние.

Марианн вскочил на ноги. Ему почудилось серое пятно снегу в шагах десяти. Он таращил туда глаза и ничего кроме снега не заметил. Напряжение таил окружающий неподвижно-мертвый пейзаж. Кажется, лик смерти запечатлелся в каждой крупине снега. Воздух шипел от опасности. Марианн поежился.

А друг тот, кто вырубил этот «колодец» находится еще здесь?

Марианн поспешил вернуться в свой лагерь. Он хотел затоптать угли, засыпать их снегом, скрыть следы своего пребывания. Но возле костра, засомневался, что следует поступить именно так.

Что его так напугало? В округе тишина. У полыньи следов нет. Ноги у Марианна продрогли. Огонь еще прыгал на прогоревших ветках, и разжечь его не составило труда. Огонь придавал уверенности и развеял страхи юноши. Он улыбнулся горячему воздуху, согревавшие ледяные пальцы и бросил огню пару еловых веток.

Только Марианн не вспомнил, что ночная метель замела все следы. А теперь он протоптал в снегу дорожку, ведущую прямо к нему от полыньи.

– Как думаешь, Мигни, – обратился Марианн к своей спутнице, подкладывая ветки в огонь, – отправимся в дорогу вечером или прямо сейчас? Скоро стемнеет. Можем еще погреться у костра или как?

Мигнис сидела на ветви дерева, нависающего над костром, и вдыхала запахи дыма.

– В темноте нас никто не заметит.

– Это верно. – Марианн поднял голову и оглядел снежную гладь. – Выйдем, как стемнеет. Пройдем немного вдоль берега. Затем свернем в лес. Ты слышала про Волчью гору?

– Не припомню... – ответила Мигнис через минуту. – А там есть большой и теплый дом?

– Да, конечно, есть. Поэтому я туда направляюсь. Там безопасно. – А сам прикинул, что не знает ничего об этом месте. Только то, что на Волчьей горе предстоит найти убежище, что там живут такие же, как он оборотни. Поэтому мысли о Волчьей горе вселяли надежду.

– Ночью, ми, ночью, – отозвалась мышь. – Это тебе решать.

– Мы подождем, как стемнеет и в путь.

Марианн обрадовался согласию Мигнис подождать вечера. Он боялся ей признаться, что проснувшись после ночных испытаний, едва мог ступить на левую ногу. Ступня распухла и болела. А короткая вылазка к полынье показала, что идти долго он не сможет. Таить это не имело смысла, но у него почему-то не хватило духу рассказать о травме Мигнис. И вот момент признаться настал, а смелости не прибавилось.

Марианн расстегнул куртку, схватил подол майки и рванул его, пытаясь оторвать полосу ткани. Мышь, отгрызшая от ветки еловую шишку, уронила свою игрушку и от не могла проронить ни писка, удивленная поведением Марианна. После десяти секунд тщетных попыток разорвать на себе одежду, Марианн воспользовался ножом. Заполучив узкую полосу эластичной тряпицы, Марианн аккуратно снял ботинок и принялся накладывать тугую повязку. Прежде он никогда этого не делал. Но на уроке медицинской помощи видел схемы нанесения бинтов. От ноги неприятно пахло потом. Обувь чуть промокла. Тряпица оказалась короче и не могла обхватить ступню два раза, чтобы сделать крестовой хват. Пришлось снова терзать майку. После пяти минут упорных трудов, Марианн перевязал ступню и подставил ногу к костру. Теперь он ощущал холодные пальцы ветра на поясице в том месте, где майка стала короче.

– Ногу подвернул. – объяснил Марианн мыши. – Еще болит.

– Ми.

Скоро для костра требовались ветки. Пока стояла ясная морозная погода и превосходная видимость, Марианн встал с рюкзака, что служил мешком для сидения, и пошел обрывать и срезать самые сухие ветви, что сможет найти. Еще Марианн хотел проверить свою ногу. Перевязь ноге пошла на пользу. Ступня внутри наполнилась жаром, но главное, он мог ходить, не страдая от боли.

Мигнис отправилась с ним, усевшись на плечо. Ей хотелось оглядеть шишки на этой стороне елей. Марианн углубился дальше и глубже в лес. Он приметил большую старую ель. Ее толстые ветви склонились под своей тяжестью в снег и оказались легкой добычей и отличным топливом.

Возвращаясь назад, Марианн побрел напрямик, утопая по пояс в вязком снегу. Он подошел к своему костру с противоположной стороны, когда заметил их.

– Ми-марианн! – тонко завопила Мигнис. – Смотри!

Следы! Свежие. Марианн бросил набранные ветки.

Следы располагались прямо над костром Марианна всего в паре метров и выше в горку. Вытоптанная тропинка отлично скрывалась со стороны озера высоким сугробом.

Марианн осторожно приблизился к тропке, словно боясь, что из-за ближайшего ствола вывалиться разбойник. Никого. Тишина.

Неизвестный наблюдатель вернулся назад по своим следам. Тропа петляла между деревьями и сворачивала к озеру.

Теперь, когда место лагеря Марианна раскрыто, находиться в нем нельзя. Марианн понимал, что следует немедленно покинуть это место. Но там он оставил свой рюкзак. В нем еда, спички.

В лагерь нужно вернуться за рюкзаком и нечего думать. Как бы опасно это не было, в лесу без еды не прожить.

Марианна осмотрел свой лагерь с высоты сугроба. Вот костер. Рядом в снегу рюкзак. Может спрыгнуть вниз, схватить рюкзак и дать деру? С больной ногой не убежишь. Лучше соблюдать тишину.

Марианн вернулся своей тропой к берегу. Он никого не встретил и теперь выглядывал из-за дерева, чтобы удостовериться, не забрался ли наблюдатель в лагерь.

Мигнис вертелась на плече у Марианна. Она привстала на задние лапки и зашевелила усами.

– Ты кого-нибудь видишь? – едва слышно прошептал Марианн.

Мигнис подползла к уху:

– Ни-ко-го.

Хвост Мигнис скользнул по щеке, и мышшь полезла в капюшон Марианна.

Если только неизвестный не слился со снегом. И поэтому невидим. Например, он мог быть облачен в арктический камуфляж.

Марианн вошел в лагерь и увидел, что рюкзак открыт, а его содержимое вывалено рядом. Упаковки сыра в пластинках, шоколадные батончика, хлеб.

Вдруг над озером пролетел протяжный вой. Волчий. Мертвенный холод пробежал по спине Марианна. Кровь стыла в жилах. Этот гортанный звук ворвался в покой леса как ураган. Казалось, иголки посыпались с веток.

Волк был не далеко. За деревьями на том берегу.

Марианн бросился к своему рюкзаку и принялся собирать еду. Накинул его на плечи и полез на ель. Его учили, что волки ходят стаями.

В миг Марианн оказался почти на верхушке дерева. Дальше лезть было нельзя – ветви опасно изгибались и трещали. Ладони были исцарапаны, куртка усыпана снегом и мелкими еловыми иголками.

Марианн смотрел вниз. Сквозь паутину ветвей не видно подножия дерева. Лишь слабая дымка поднималась от того места, где угас костер. Зато с дерева открывался превосходный вид на озеро. На нем никого: ни волка, ни человека.

Прошло несколько минут, когда до слуха Марианна донесся новый крик. Сначала тихий. Затем громкий. Это был вой человека, не волка. И он звал на помощь. Не раздумывая, Марианн кинулся вниз, слетел с дерева, набивая шишки о толстые ветви, и побежал на крик. На снегу лежал человек.

Если судить по шубе, один из разбойников. Он барахтался на спине. На его грудь забрался невиданный зверь. Шерсть у него переливалась серебряным отблеском. И Марианн понял, что это не мех, а чешуя.

Гигантская рыба-ящерица вцепилась в разбойника. Тот пытался сбросить с себя эту тварь. Марианн достал нож и с криком: «Прочь! Уйди!» – бросился к рыбе-ящерице. Рыба-ящерица ощутила вибрацию приближающихся шагов, увидела Марианна и отступила. Она пятилась и дергала головой, показывая черный зев пасти и окровавленные зубы.

Марианн выставил перед собой нож. Но тварь не думала атаковать. Она отползала, противно шипела и била хвостом свои бока. С громким всплеском она исчезла в полынье.

Марианн почувствовал, как Мигнис зарылась карман.

Наверное, Монстр услышал шаги по льду, раздававшиеся в воде как барабанный стук. Сидел ли монстр в засаде, поджидая добычу у полыньи, или вылез на охоту, Марианн не знал. Но при мысли об этом немели руки от стального ужаса.

– Она ушла. Ушла, – тихо повторял Марианн и повернулся к раненому человеку.

Тот находился при смерти.

Марианн упал на колени и прикрыл кровоточащую рану на груди руками. Он видел в образовательном фильме, как оказывать первую помощь пострадавшему, но в реальности осознал свою беспомощность.

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите!

Марианн кричал, пока не охрип. Никто не явился и не закричал в ответ.

Человек стонал и не отводил взгляда от Марианна.

– Вы тут один? – спросил Марианн. – Вам нужен доктор. Скажите, где ближайшее селение или люди, и я сбегаю за помощью!

Человек кашлянул.

– Скажи, все это того стоило? В сторожке и, правда, есть золото? Почему ты не взял ничего?

– Я не понимаю, о чем Вы?

– Ведь ты не убивал Кэссиуса?

– Кого?

– А ребята рассвирепели. Думают, ты его зарубил топором. – На миг улыбка мелькнула на губах человека, но тут же исказилась страданиями. – Будь они прокляты со своими идеями! Ты не убийца, нет. С Берлингом случайность вышла. Он сам виноват... Мне предстоит встретиться и с Кэссиусом, и с Берлинном. Не хочу их видеть. Никого. Не хочу, слышите?

Руки Марианн тряслись:

– Скажите, где мне найти ваших друзей. Я приведу их. Они вызовут спасателей.

Человек помотал головой.

– Все кончено. И угораздило меня податься сюда. В такие дела... Тут нет никого. Даже дикие звери обходят эти места... Вот и моя расплата. А еще эта проклятая Волчья гора совсем рядом. Чтоб ей неладно было!

Человек путался в мыслях, но брошенные в агонии слова насторожили Марианна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.